

Игорь Шпотенко

В
Ы
С
Т
Р
Е
Л
А
Д
У

или

"ДЕВЯТЫЙ"

Криминальный боевик

18+

Игорь Шпотенко

Выстрел в аду, или Девятый

«Автор»

2021

Шпотенко И. А.

Выстрел в аду, или Девятый / И. А. Шпотенко — «Автор», 2021

Книга рассказывает о работе спецгрупп СССР в Афганистане. О том, как сложились судьбы бывших сослуживцев в лихие 90-е. О том, как встретились лицом к лицу те, кто примкнул к преступному миру и те, кто остался верен погоням и продолжил борьбу с преступностью. Противостояние сторон во время конфликта на Донбассе. В книге показана любовь к родному краю, близким и готовность пожертвовать собой.

© Шпотенко И. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ПРОЛОГ	5
1.	6
2.	12
3.	21
4.	31
5.	44
6.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Шпотенко

Выстрел в аду, или Девятый

ПРОЛОГ

Плечо ужасно зудело. Кровь тоненькой струйкой стекала по рукаву куртки, манжет рубашки и капала на пыльный пол. Сергей правой рукой держал свой ПМ, в котором осталось всего два патрона, пытаясь хоть как-то закрыть ранку большим пальцем раненной руки. Володя, с позывным «Шурави», лежал за стеной раненный в живот и пытался самостоятельно дозвониться по мобильнику до скорой и в штаб. Связь упорно отсутствовала. Убитый им, Сергеем, с позывным «Бурят», второй бандюга с погонялом «Сироп», один из помощников главаря Лисичанской банды мародёров Ивана «Куцего» (Куценко), лежал головой вниз на площадке между этажами полуразрушенного постоянными бомбёжками нациков подъезда, девятиэтажного дома Первомайска на квартале 40 Лет Победы. Начинался очередной арт обстрел района. Работали «грады» со стороны Попасной. До его пистолета метра три, но у «Куцего» в пистолете патроны ещё были, Сергей слышал, как он перезарядил запасную обойму, поэтому тянуться за чужим стволом простое самоубийство. Схватка явно затянулась. «Ну, что, менты, потрепал я Вас, живы Вы или уже нет? Да... Я чуть не забыл... Там у тебя остался последний патрон... Я всё просчитал... Первая обойма твоя вылетела быстро, а со второй уже семь патронов ушло... Оставь его себе чтобы застрелиться... У Вована, дружка твоего, вообще уже нет ничего, да я ему в нагрузку живот продырявил по старому знакомству... Что будем делать? Эй, «Бурят», слышишь меня?» хриплым, пропитым, противным, грудным голоском прокричал «Куцый» из пустой квартиры без входной двери. «Может по старой дружбе договоримся? Да я по-тихому свалю, а?». «Не договоримся, сдавайся Ваня!». Влетевший в проём длинный серебристого цвета снаряд не разорвавшись застрял в стене. «Ад!» с ужасом подумал Бурят очистив от белой пыли глаза. У Сергея кружилась голова и ему страшно бы не хотелось потерять сознание. Тогда точно уже всё... Да ещё его единственному другу «Шурави», с которым они вместе служили в Афгане, отсюда их позывные, а за тем и в милиции города, нужна была срочная медицинская помощь. Перед глазами «Бурята» мгновенно проплыла вся его не долгая жизнь...

1.

2015 год Первомайск начал не с поздравления Президента, а с сильного арт обстрела по «площадям». Со стороны Попасной били «грады», со стороны Горского тяжёлые миномёты и казалось от этого ада нет никакого спасения. Оставшиеся люди, которым некуда было уехать с родного города, прятались в наспех оборудованных подвалах своих многоэтажек. Сырые, грязные подвалы, в которых могли раньше бывать только слесаря сантехники, чтобы отремонтировать потекшую трубу отопления, бездомные животные, водились мыши и вредные насекомые, теперь были за радость бывшим врачам, учителям, шахтерам и их малым детям да старым родителям. Кто бы мог ещё год назад представить себе такое? Укр фашисты выбивали народ города в прямом и переносном смысле. Город опустел. Производство стало, магазины закрылись, газ отключили, напряжение было не во всех районах, воду давали по графику раз—два в неделю не пару часов. Оставшиеся мужчины оборудовали подвалы своих домов. Устанавливали двери, зашивали окна, проводили электричество, сносили с разбитых и брошенных квартир все необходимое, чтобы можно было застелить грязь под ногами, устроить спальные места, оборудовать столовые. С разбитого кирпича, которого было теперь вдоволь, клали в подвалах печи, выводили в окна трубы и этим хоть как-то согревались. Сносили в подвалы все что осталось съестного из квартир, закупорки солений, компоты, запасы мучных и крупяных изделий и питались этим все вместе в общих столовых. Всячески поддерживали, друг друга морально не давая возникать и так поразившей весь город, панике. Город учился выживать в условиях войны, неожиданной, развязанной украинскими националистами во главе с их духовным пастырем Александром Турчиновым, исполнявшим обязанности Президента Украины и спровоцировавший вместе со своей антироссийской, бандеровской кликой государственный переворот в стране. Великий Донбасс не принял «новые» порядки и взялся за оружие. «Костлявая» стояла на пороге их родного края.

Сергей Арсентьев и Владимир Головченко выросли в одном дворе. Их отцы работали на одной шахте в забое, матери так же, как и мужья, трудились на общем предприятии в бытовом комбинате. У Сергея было ещё трое братьев и младшая сестра, а Володя был в семье один, не дал Бог больше его родителям детей, мама постоянно болела. Дружили мальчики с раннего детства, если один ходил побитым, значит аналогичные шрамы были и у друга, если пазуха ворованных чужих яблок была у одного, значит тоже самое имел и товарищ. «Будете сидеть в тюрьме вместе, гады такие!» ругалась на них мама Володи, но тут же сама поджаливая дружков, давала десюлики каждому в грязные мальчишечьи ладошки на мороженное по 9ть копеек.

В школе всё изменилось. Классный руководитель быстро сообразила, что играть с ними не надо и рассадил по разным партам в пары с девочками. Володя, как ни странно, стал учиться. Кроме отличных оценок он не получал ничего, а Серёга, хоть и имел трёх братьев старше себя, которых родители заставляли следить за учёбой младшего, учился не очень прилежно. Троечка его любимая оценка. Только по физкультуре он был первым в классе, даже Володя ему уступал. Что по бегу, что по прыжкам, а дальше и по занятиям на турнике и брусьях, ему в его возрасте не было равных. Учитель физкультуры всем ставил мальчика в пример и ходил по учителям, прося не ставить ему двойки по другим предметам. «Он прославит нашу школу» любил говорить физрук в присутствии директора школы, как будто ища и его поддержки.

И слова опытного физрука стали сбываться. В седьмом классе Арсентьев выиграл городские соревнования по легкой атлетике, за тем взял призовое место на областных в Ворошиловграде. В 14ть лет выиграл кубок Украины по лёгкой атлетике среди юношей. Сергей был не по годам высокий, подтянутый, хорошо сложенный, под его курносый носом уже появился заметный пушок молодых усов. А Володя, хоть и не отставал от своего закадычного друга, но

делал упор не на силу рук, а на свою голову. Восемь классов он закончил без четвёрок и пошёл в девятый класс, чтобы потом поступать в институт, а Сергей со своими тройками, но со спортивными достижениями смог поступить в горный техникум, хотя там и был проходной балл, но тот же физрук договорился с физруком техникума и Серёгу взяли. Два долгих года друзья виделись лишь по субботам и выходным, но дружба между ними не пропала, они скучали один без другого и в единственный свой выходной день в воскресенье, старались проводить вместе. Сергей жил в общежитии в другом городе при техникуме. Спорт он так и не бросил, а наоборот в техникуме появились новые перспективы. Сергей, наряду с занятиями по лёгкой атлетике, стал посещать запрещаемый в то время, кружок по карате, который организовал тренер в зале их техникума. Занятия были платными, 10ть рублей в месяц. Из 37ми рублей получаемой им стипендии отдать 10ть он не мог, поэтому ходил по вечерам на центральный рынок разгружать вагоны с мукой. Сергей быстро продвинулся и в этом спорте. У него всё получалось как-то сразу и хорошо. Это заметил и тренер.

После окончания с золотой медалью средней школы, Володя поступает в Донецкий политех с первого раза. Донецк, огромный миллионный, красивый город, столица Великого Донбасса встретил парня напряжённо. По кем-то написанным правилам все иностранные студенты обязаны были жить вместе с нашими, местными студентами в одной комнате, при чём наших двое—трое, а иностранец один и к тому же он изначально имел привилегии. В начале все иностранцы год живут отдельно и учат русский язык, а только лишь потом поступают в высшие школы на учёбу. Все они практически учатся на платной основе, за валюту, поэтому их и берегут. С Володей в комнату поселили студента с Кении и одного парня, такого же, как и сам Володя с прилегающих областей Украины. Звали негра —Горга. Чёрный, как кусок антрацита, казалось, что ночью его и не заметишь в тёмной комнате и лишь белоснежные, огромные зубы и горящие глаза выдавали чёрного товарища. Нигер вел себя нагло и бесцеремонно. Он сразу уловил и усвоил для себя то обстоятельство, что его не ругали даже за довольно серьёзные провинности, на пример выпивку или прогулы. В комнате с местными ребятами он установил свой порядок и уклад жизни. Половину комнаты от окна он выгородил для себя повесив по центру комнаты тяжёлые шторы. Завёз диван-кровать, стол, кресло, маленький холодильник на котором стоял телевизор, положил ковровую дорожку. А у двух наших парней места в комнате хватило только на две кровати у входной двери, да вешалки для одежды на стене у входа. Готовиться к занятиям приходилось в ленинской комнате, так как Горга включал громко телевизор, да и стола то не было из-за нехватки места. На жалобы в администрацию по поводу поведения негра приходили отказные ответы со ссылкой на напряжённое международное положение и войну в Афганистане. Так ребята прожили один год до летней сессии. Летом 1987 года защитив диплом и получив образование техника—механика Сергей приезжает в гости к другу в Донецк, чтобы поддержать его на сессии, а потом вместе поехать отдохнуть на Азовское море в Мелекино.

Горга лежал на своём диване в одних спортивных красных трусах и под громко работающий телевизор с удовольствием потягивал с бутылки «Жигулёвское» пиво. Сергей со спортивной сумкой на плече вышел из прокуренной кабины исписанного всяческими надписями лифта на шестом этаже студенческой общаги политеха, прошёл по грязному коридору и толкнул двери комнаты 611. Дверь тихо открылась, но в комнате было темно. «Не понял, почему так темно? На улице полдень.» Войдя в комнату, парень понял, что плотные шторы не пропускали в эту часть комнаты дневного света. Сергей одним рывком открыл тяжёлые коричневые шторы и вошёл во вторую половину. Горга приподнялся на локтях: «Чего надо?». «Здесь живёт мой товарищ Володя, где он?» спросил Сергей у нигера. «Там, где-то сидят и учат сессию» снова укладываясь на диван и уже теряя интерес к вошедшему, ответил Горга. Сергей прошёл по тому же грязному коридору и открыл дверь ленинской комнаты. Два парня сидят на против друг друга что-то писали в общих тетрадях с учебника. «Вовка, друг, привет!» воскликнул

Сергей, обнимая товарища: «А я вошёл к тебе, а там какой-то чёрный лежит и никого». «Да, он живёт год с нами, мы там только спим и то тогда, когда он успокоится или у него нет друзей в гостях» опустив глаза пожаловался другу Володя. «Не узнаю бойца, да дайте ему п...ы и все дела. А ну пошли». Сергей, не обращая внимания на протесты двух парней, вошёл в комнату, сорвал тяжёлые шторы. Багет с шумом отвалился от потолка. Горга вскочил: «Не понял, ты кто такой?» и кинулся с кулаками на Сергея. Больше ничего и не надо было. Первый удар пришёлся в ненавистную, чёрную рожу в широкий от природы нос. Горга как-то мягко сел и залился кровавой юшкой. Сергей сдвинул в угол его утварь, с лена комнаты внесли стол и два стула, установив их к стене, за тем принесли с бытовки две прикроватные тумбочки и книжную полку. За работой друзья и не заметили, как нигер тихо вышел из комнаты и спустившись на этаж ниже, собрал таких же, как и сам, чернож...х товарищей с твёрдым решением проучить славян. Володя со своим товарищем навешивали полку, когда чётко услышали с коридора резкие не понятные боевые крики и наносимые после этого удары. Они выскочили, но Сергей не оставил им возможности вступить в поединок. Все шестеро негров лежали на полу, кто с разбитыми губищами, кто с окровавленным носом, кто-то с вывернутой, но не сломанной из жалости, рукой. Горга сидел, прислонившись спиной к стене и плакал навзрыд. Толи от боли повторного удара в нос, но скорее всего от обиды, что всё это действие наблюдали две девчонки с медицинского института, которые пришли к ним в гости. Показательное наказание славянина у него не получилось. На шум прибежала всевидящая комендант и сразу же вызвала милицию. Сергея забрали в отделение. Пахло международным конфликтом, а значит и тюрьмой.

Младший лейтенант милиции Борис Ковтун, вчерашний выпускник Донецкой школы милиции, а сегодня дознаватель в Центральном РО милиции города утром получил своё первое самостоятельное поручение от своего руководителя и теперь шёл по коридору райотдела в ДЧ где располагался КПЗ, в котором со вчерашнего дня ждал его хулиган, посмеявшийся ударить иностранца, да не одного, а сразу шестерых. Ему уже с самого начала было ясно, что кроме 206 УК Украины «Хулиганство» ему стоит натянуть и телесные повреждения, чтобы дело выглядело более-менее солидно. Родом со Стаханова, молодой милиционер уже видел себя горожанином миллионного Донецка и не иначе, а для этого ему надо было только усердно отработать год и поступить в высшую школу на юридический. «Привет, где тут у Вас задержанный по вчерашней драке в общежитии?» обратился он к помощнику дежурного старшине, который готовился к сдаче смены и заполнял журналы. «Привет, не мешай, там в КПЗ пойди сам открой» не поднимая головы ответил старшина, заполняя очередной формуляр. Боря не обиделся, прошёл по ДЧ и открыв двери КПЗ, вошёл. Сергей сидел на грязной скамье в плохо освещённой слабой лампочкой, камере, прислонившись спиной к крупно оштукатуренной «шубой» стене. «Арсентьев!» назвал фамилию младший лейтенант, глядя на единственного арестанта. Сергей поднял глаза и их взгляды встретились. «Борька, ты?» «Серёга, а ты то как тут?» совершенно забыв о том, что ему совсем недавно поручил его начальник, спросил Боря. «А я ещё иду и думаю, какая знакомая фамилия, как у кума моего брата». Сергей и Борис обнялись. Его родной брат близнец Анатолий закончил в этом году вместе с Сергеем один и тот же горный техникум, а до этого женился и совсем недавно у них родилась девочка, его родная племянница, а кумом и стал Сергей, с одной группы брата, по бывшей учёбе. «Вот так встреча! Ладно, пошли ко мне в кабинет будем думать, как поступить, ты попал серьёзно, дружок». «Да, я понимаю, но самое главное я ещё и друга своего подставил, Вовку». Товарищи поднялись на второй этаж здания РО милиции в отдел следствия и дознания и вошли в малюсенький, ужасно тесный для двоих, кабинетик. «Вот... Это мой первый кабинет» гордо сказал Борис: «Маленький конечно, но ничего, мне хватит» как будто бы оправдываясь подвёл черту младший лейтенант. В помещение еле-еле вместился обычный одно тумбовый стол, стул для хозяина кабинета и солдатский табурет для опрашиваемого. На стене у входной двери прибита небольшая вешалка для одежды, ободранную и не оклеенную стену украшала большая школьная карта Советского

Союза, да открытая форточка не мытого со времён остекления, засиженного мухами небольшого окна с таким же грязным подоконником.

«Ну вот, давай всё по порядку» усевшись на свой стул и разложив перед собой на столе практически пустую папку с надписем «Дело№», начал Борис. Сергей без утайки всё рассказал товарищу с мелкими деталями, не упустив при этом и прихода молодых девиц с медицинского института. «Да... Дела...» протяжно отреагировал на рассказ дознаватель. «Боря, а что заявление нигер уже написал?» поинтересовался взволнованно Сергей. «Да ничего ещё нет вообще, я его с международной поддержкой только пригласил на десять часов утра. Ещё есть время. А где же твой товарищ, Володя?». «Не знаю, может в вестибюле ждёт. Он –то обязан с самого утра тут быть» подумал в слух Сергей. Боря поднялся и вышел. Через минуту он завёл в кабинет Володю. Сесть было некуда, и друзья вдвоём разместились на солдатской табурке. «Я сегодня всю ночь уговаривал Горгу не писать на нас заявления» не громко рассказывал Володя. «Он, морда чернож... я ни в какую, говорит, что буду писать и всё тут». «Скажи, Вова, а ты случайно не знаешь тех девиц, что приходили вчера к нему?» спросил друга Сергей. «Знаю, Ленка с первого курса медицинского, а что?». «Только она смогла бы этого нигера уговорить». «Точно, а ведь ты прав, она ему очень нравится, и он с ней желает встречаться» рассказал Вова. «Боря, ты смог бы потянуть время, пока Володя её найдёт и приведёт к нигеру на разговор?» «Да без вопросов, хоть целый день, только тебе придётся посидеть в КПЗ всё это время». «Да Бог с ним» согласился Сергей: «Лишь бы только Ленка согласилась нам помочь». Так и решили. Борис отвёл арестанта назад в КПЗ, а Володя побежал искать Ленку в город.

В камере было душно, прохладно и пахло сыростью и мышами. Слабая лампочка у входной двери в металлической сетке, слабо освещала продолговатое помещение райотделовского КПЗ. Сергей сидел, прислонившись спиной к стене и чувствовал через тонкую ткань летней футболки острые края «шубы», крупные куски которой были набросаны на все стены. Две не широкие скамьи вдоль стен были исписаны кличками, именами и фамилиями ранее сидевших здесь людей. Вернее, нацарапаны. Сергей начал искать инструмент царапания и вскоре отыскал гвоздик, торчащий в щели у крепления лавки. Он достал бесценный инструмент для увековечивания своего присутствия и корявым почерком нацарапал что он Серега с Первомайска Ворошиловградской области, сидит за международный скандал. Спрятав на место гвоздик и оставшись довольным собой, он стал ожидать прихода друга. Время страшно долго тянулось. За закрытыми дверьми в ДЧ райотдела спорили два милиционера по каким-то вопросам. Сергей в начале прислушался, а потом потерял интерес к чужим проблемам. Открылась дверь, в проёме стоял старшина милиции без головного убора: «На opravку пойдёшь?» безвредно спросил парень, разглядывая свои ногти. «Нет, не хочу.» ответил Сергей: «Скажите пожалуйста товарищ старшина, а за меня там не забыли?». «Не переживай» захлопывая дверь камеры улыбнулся милиционер: «Не забудут, 72 часа можем держать». Время снова начало медленно тянуться. Сергей заметил мышонка и подложив под себя ноги на лавке, стал за ним наблюдать. Это не помогало. Он стал волноваться серьёзно. Вчера он с удовольствием бил ненавистные рожи врагам и по праву считал себя защитником угнетённых товарищей, а сегодня пришло прозрение и всё изменилось. На конец дверь открылась и на пороге показался Борис. Делая вид, что он на службе и они не знакомы, младший лейтенант громко скомандовал: «Арсентьев, на выход с вещами». Сергей вышел на яркий свет дежурной части и прищурился после тёмного помещения. «Получите свои документы и распишитесь, можете быть свободными, только покиньте Донецк сегодня». Старшина мирно записал всё, что ему было надо, отдал Сергею его документы и сразу же забыл о бывшем арестанте стал заниматься рутинной работой помощника дежурного. Сергей вышел на улицу.

На длинной скамейке под раскидистым каштаном сидела девушка в голубеньком платье, с распущенными рыжеватыми, выющимися волосами, зелёными, до не могу, огромными глазами с не накрашенными ресницами, красивыми, сочными губками и приятной ямкой на

подбородке, говорившей о влюбчивом характере юной леди. Рядом с сидящей девушкой стоял Володя и нервно поглядывал на свои ручные часы. «Привет, я Серёга» протянув руку девушке, представился бывший арестант. «Алёнка» не моргнув глазом ответила красавица, протягивая свою ручку. «Я вчера с удовольствием наблюдала за Вашим боем с нашими цветными, мне очень понравилось и поэтому, когда Володя попросил о помощи, я сразу же согласилась. Правда мне ещё раз придётся сходить на свидание к этому Горге, но это детали, хуже другое, Вашего товарища отчисляют с института за этот случай» выпалила она на одном дыхании. Сергей пожал руку другу и заглянув в его глаза понял, что девушка говорит правду. «Прости меня, Володя. Пошли вместе к ректору я попробую ему всё объяснить». «При чём тут ректор, здесь комитет комсомола института вынес решение и даже сам ректор его не сможет отменить теперь. Я уже у него был. Ну правда не выгоняют совсем, а разрешил взять академ отпуск в связи с уходом в армию. Это единственный способ остаться в институте. У меня через час последний экзамен, мне надо бежать». «Я буду ждать тебя у входа в институт» сказал убежавшему к подъехавшему на остановку троллейбусу другу, Сергей. «Хорошо!» уже с подножки троллейбуса крикнул Володя.

Сергей повернулся к Лене. «Разрешите Вас проводить?» «С большим удовольствием» уже беря парня под руку и широко улыбаясь всем ротиком пропела красавица и повела его по широкой, не так давно политой аллее. «И давай на «ты»» весело улыбаясь предложила она. Запах начавшегося лета, цветов на огромных городских клумбах, аромат духов, пусть не дорогих, но приятных, исходивших от Леночки, весёлое щебетание птиц на густых деревьях, приводило в восторг и радовало жизни, её началу, молодости, силе и красоте. Они шли, взявшись за руки по тенистой аллее и казалось, были вдвоём во всём мире. Молодые люди, ещё даже хорошо не знакомые, но уже были счастливы, после своей, пусть и мгновенной, вряд ли к чему-то приводящей, встрече. «Алёнушка, я в этом году получил диплом техника горного мастера. Осенью в армию» начал разговор Сергей. «А я вот заканчиваю первый курс медицинского, будущий стоматолог, но до этого ещё шесть лет учиться» весело прошептала девушка. «Я хочу мороженное». Сергей растерялся. И как это он сам не сообразил пригласить её в кафе. Молодые вошли в летнее кафе и сели под огромный зонтик на красивые, блестящие стулочки за такой же столик. Молодая официант сразу же подошла и предложила меню. Лена выбрала пломбир с грушевым сиропом и берёзовый сок. Сергей заказал тоже самое. Они ели вкусное мороженное и не сводили с друг друга глаз. Леночка постоянно шутила и смеялась и от этого бывшие неприятности уходили куда-то в прошлое. Сергей неожиданно для себя понял, что влюбился. «Лена» обратился он к девушке: «А ты веришь в любовь с первого взгляда?» «Да» неожиданно просто, не улыбаясь ответила девушка: «Я верю. И мне так кажется, что вся любовь с первого взгляда. Не бывает любви в приглядку, это уже что-то иное, когда в начале долго приглядываются, потом женятся, и сразу же разводятся, объясняя свои разводы тем, что не сошлись характерами по тому, что мало приглядывались. А любовь, она одна, увидел и на всю жизнь, все трудности и радости без приглядак просто вместе, просто вдвоём». «Я с тобой, Алёнка полностью согласен, один раз и на всю жизнь» растроганно повторил Сергей. «У тебя что ещё сессия?». «Нет, я вчера уже закрыла зачётку за год и сдала книги в библиотеку, так что я на каникулах до сентября». «Домой, когда поедешь?». «У меня в политехе старшая родная сестра учится на третьем курсе, Светлана, она завтра сдаёт курсовой и всё. Вот почему я постоянно в их общежитии, девочки с её комнаты вышли замуж и теперь Светка одна. Мы там сделали ремонт, купили себе маленький холодильник, и я практически со своей общаги переехала не официально к ней, так проще выживать и питаться». «А что родители не помогают?». «У нас ещё две сестры школьницы, мама учитель, а папа на инвалидности после шахты, так что им и самим трудно». «А ты где живёшь?» тихо спросил Сергей, заглядывая в глаза всё больше нравившейся ему девушки. «Хм... Мы с тобой соседи. Я из Зимогорья, не далеко от Первомайска, пол часа по Бахмутке». «Так это же здорово!» радостно сказал парень: «А можно я

к тебе в гости приезжать буду, у меня мотоцикл есть?». «Можно, мы живём прямо на против школы, найдёшь захочешь» засмеялась девушка и они, поднявшись и снова взявшись за руки зашагали к институту, где сдавал последний свой экзамен Володя. А вокруг расцветала жизнь, молодая, бурлящая, настоящая.

Володя вышел из здания института и подошёл к сидящим в скверике Сергею и Леночке. «Ну как сдал?» спросила его девушка. «Я давно уже всё сдал и рассчитался с институтом по всем показателям. Ректор пожал мне руку и сказал, что после службы сразу же к нему он меня сразу же примет на второй курс, ведь я закончил первый без единой четвёрки, шёл на повышенную стипендию» он тяжело взглянул в глаза друга. Сергей наклонил голову: «Прости меня пожалуйста, я ведь хотел, как лучше, а вышло, как всегда». «Ладно, что там уже, поехали сдам место в комнате и домой». Ребята втроём пошли к коменданту общежития, той самой, которая не разобравшись решила одним росчерком пера судьбу парня. Она молча приняла комнату и поставив в обходную свою подпись сказала, что сама сдаст документ, чтобы не возвращаться сегодня назад в институт. Лена попрощалась с парнями и пошла в свою комнату, а друзья отправились на автовокзал, чтобы уехать первым автобусом домой. Володя обернулся и поглядел на так полюбившийся ему институт: «Прощай, я вернусь через два года» и зашагали быстрее...

2.

Парни перед устройством на работу, стали на воинский учёт в местный военкомат. Сергей попросил знакомого помощника военкома определить их в одну команду на призыв. «Будете обходить медкомиссии потом определимся» ответил майор. Став на учёт, ребята устроились на работу на местную шахту им. Менжинского или просто Менжинку. Сергей с дипломом об образовании принялсЯ горным мастером по вентиляции, а Володя с школьными документами профобразования –учеником слесаря подземного по ремонту бурового оборудования. Параллельно проходили медицинские комиссии. Высокие, сильные, спортивного телосложения парни были записаны в команду с номером 70 (за границу). Последнее лето юности пролетело мгновенно быстро. Володя работал постоянно в первую смену в ЭМО предприятия под руководством главного механика шахты. Он втянулся и уже к сентябрю практически выполнял самостоятельно всю работу квалифицированного слесаря, хотя и считался учеником. Наставники его хвалили за хваткость и упрямство, пока не закончит полученный наряд с рабочего места ни уйдёт. Это отложилось в характере парня от его отца. Конечно он сильно переживал за свою учёбу, но родителям так и не рассказал всей правды о причине своего академического отпуска, объяснив лишь, что желает отслужить в Советской армии, как все нормальные парни. Мама ругалась: «Это тебя гад Серёжка с панталыка сбил, он то образование уже получил, а ты то ещё нет», но при Сергее вела себя как обычно, поджаливала парня. Сергей работал по сменно в шахте горным мастером по вентиляции. Работа довольно ответственная и необходимая для работы угольного предприятия. Если вечера были свободными от на своём стареньком «Восходике», собранном старшим братом своими руками и так не поставленным на учёт в ГАИ, мотался к Леночке в Зимогорье. Он познакомился с её родителями, понравился матери невесты, которая теперь считала его уже своим будущим зятем. Серёга не мог жить без своей Алёнки. С ним такого в жизни никогда не было, он даже на какое-то время забыл о единственном друге и перестал ходить на занятия по карате, до чего был влюблён. На первую свою получку он купил ей маленькое золотое колечко с розовым камушком и на свидании попросив закрыть её глаза, надел на безымянный палец правой руки. Они обручились...

Осень 1987 года выдалась ранней и холодной. В конце сентября задождило. Лена уже месяц, как уехала в свой Донецк и теперь отрабатывала полевые работы в каком-то колхозе Донецкой области, за которым был закреплён её институт. Студенты называли это дополнительным месяцем каникул с отработкой «на картошке». Володя и Сергей прошли последнюю медицинскую комиссию и получили повестки на 14е октября. За одну неделю до призыва парни уволились с шахты, получили в кассе всё положенное и плюс к этому по окладу премии за призыв в армию. Проводы решили отметить вместе, родители дружили, у парней все товарищи общие. Пригласили местный ВИА, баяниста, столы поставили в большом, просторном гараже соседа по дому, а во втором гараже через стенку устроили танцевальную площадку, хоть как-то использовать пустующие без машин помещения. Лена приехать не смогла, и Сергей ходил расстроенный. В ночь с 14го на 15е октября пошёл первый снег. Провожали будущих солдат всем двором в пять утра у местного военкомата. Родители плакали, не стесняясь вытирая слёзы, а подвыпившие кореша постучали ногами по колёсам автобуса, в котором начали движение друзья в свою новую, не известную, полную трудностями, армейскую жизнь...

В автобусе, вместе с Володей и Сергеем, было ещё шесть человек и прапорщик с городского военкомата Первомайска вместе с водителем десять человек. Старенький Паз довольно резво бежал по Бахмутке, всё дальше увозя новобранцев от родного порога, от тёплой и мягкой кровати, от мамки куда-то в непонятную пока армию. Мелкий, противный дождь сменялся то и дело снегом и на душе становилось всё тоскливей. Сергей, уткнувшись лицом в грязное стекло автобуса, думал о Лене, которая так и не смогла приехать на его проводы. В маленьком блокно-

тике были записаны её адреса в Донецке и Зимогорье, но это просто адреса, а когда же он теперь с ней встретится и вообще, дождётся ли она его с армии? Друг Володя сидел рядом, положив голову на руки и облокотившись на переднее сидение, пробовал прикорнуть. Четверо парней, вместе с прапорщиком на заднем сидении автобуса открывали бутылку водки и раскладывали взятые с дому продукты, собираясь продолжить свои проводы. Водитель включил радио и по автобусу разнёсся знакомый мотив русской народной песни в исполнении Людмилы Зыкиной «Синий платочек». «И здесь проводы» подумал Сергей. Час пути и автобус въехал в областной военный пункт приёма новобранцев за городским автовокзалом Ворошиловграда. Здесь уже стояло много автобусов с привезёнными со всей огромной области будущими солдатами Советской армии. Они резко отличались ещё от одной толпы провожавших их друзей тем, что все были острижены под ноль, и их лысые головы то тут, то там мелькали в толпе. Выпивший прапорщик побежал докладывать о своём приезде и понёс портфель с документами сдавать в областной военкомат. Ещё через час объявили общее построение и ворота закрылись, отделяя новобранцев от остального мира уже там, далеко за высоким забором. На плацу стояли военные «покупатели». За столами стояли офицеры, которые выкрикивали фамилии новобранцев, те выходили из строя, вернее толпы, а сержанты подсакивали и беря под руку уводили своих «купленных» солдат в сторону, где строили в две шеренги. Сергея и Володю вызвали сразу и поставили в одну шеренгу. Володя сразу обратил внимание, что в их шеренге меньше всего солдат и выбирают только высоких, одного роста и телосложения. Сержант был одет в камуфлированный зелёный бушлат и на голове такая же зелёная фуражка, когда все остальные сержанты были одеты в шинели и шапки. «Я так думаю, нас пограницы забрали к себе» шепнул Сергей Володе: «Я это уже и сам понял, без тебя, умник» ответил товарищ. После целого дня стояния на плацу ноги гудели, от холода и не прекращавшихся осадков бил озноб и каждому уже хотелось просто согреться и поесть. Их отобрали всего шесть человек. В шестнадцать часов каждый сержант повёл своё набранное подразделение в отведенное им место. Сержант пограничник подошёл вместе со старшим лейтенантом в таком же камуфлированном бушлате и зелёной фуражке к своему отделению. «Становись!» как-то очень жёстко скомандовал сержант и повернувшись к офицеру, отдал честь и чётко доложил: «Товарищ старший лейтенант, отделение новобранцев построено. Замок взвод старший сержант Кваша». Он чётко повернулся на каблуках и стал в строй в начале шеренги. «Здравствуйте, товарищи!» мягким, но чётким голосом сказал офицер, отдавая честь построенным бойцам. «Здравия желаем» не совсем дружно, но громко ответили новобранцы. Офицер опустил руку, прошёлся перед шеренгой и заглянул каждому в глаза. Сергей выдержал жёсткий взгляд даже не моргнув и только немного сощурился. Морщинка у глаза офицера распрямилась, солдаты ему понравились. «Хорошо» отходя и становясь на своё место, сказал офицер: «Вы будете проходить службу в войсках КГБ. Завтра мы с Вами вылетаем в Таджикистан, в Душанбе, а потом на место службы в город Курган-Тюбе, где Вы пройдёте свой курс молодого бойца, примите присягу и освоите свою будущую воинскую профессию. Сегодня отдыхать, а завтра будет завтра. Всё, вопросы ко мне есть?». Володя порывался что-то спросить, но Сергей сжал его руку и тот промолчал. «Тогда до завтра. Сержант командуйте» он отдал честь и уверенным шагом зашагал к офицерскому общежитию. Кваша, построив свою команду в шеренгу по два человека, повёл всех в столовую на давно уже остывший обед.

Утром, первый раз проснувшись после команды дневального с «тумбочки»: «Рота подъём!», Сергей и Володя вместе с ещё четырьмя своими сослуживцами были приведены сержантом в склад на получение обмундирования. В помещении уже одевалась партия вчерашних призывников. Они примеряли на себя защитного цвета Х\Б и кирзовые солдатские сапоги, шинели и шапки-ушанки, брезентовые поясные ремни, кто не умел—учился мотать портянки. Очередь продвигалась достаточно быстро. Лихой прапорщик хорошо знал своё интендантское дело. «Набитый» за многие годы глаз точно определял рост и размер, оставалось только снять

вещи с полки и вручить призывнику. На конец первые получили всё своё, их старший поставил свою подпись в толстой амбарной книге прапорщика. «Так, кто следующий?» громко спросил прапор. Кваша подошёл к нему и что-то шепнул на ухо. Прапорщик внимательно поглядел на шестерых новобранцев и послал каптёрщика закрыть двери склада изнутри. «Пошли» сказал он, открывая двери помещения, спрятанного за основными стеллажами. Здесь хранилась совсем другая форма одежды. Песочного цвета х\б «афганки», берцы, тельняшки, панамы и серые шапки-ушанки, кожаные ремни, бушлаты песочного цвета, но с воротниками, какие носят в Союзе только офицеры, в место трёхпалых рукавиц утеплённые перчатки, свитера под горло темно зелёного цвета типа водолазок и носки в место портянок—х\б и п\ш, эмблемки и кокарды зелёного полевого цвета. Прапорщик выдал мыло хозяйственное №72 и банное, по два вафельных полотенца, одинаковые зубные пасты без названия, щётки, станки бритвенные с помазками и стаканчиками, лезвия «Нева». За тем призывники получили сухой паёк на пятеро суток каждый: галетное печенье 5ть пачек, по три банки тушёнки весом 200 грамм и по три банки рыбного фарша, по две банки сгущённого молока и по две гречневой каши с мясом, по пол кило сахара рафинада, по 100 граммовой пачке грузинского чая, по 10ть пачек сигарет «Северные» и по пять коробок спичек. Кружку, ложку, котелок с встроенной флягой на 750 грамм, по коробке сухого спирта. Всё это богатство сложили в вещевые мешки—сидоры. Свою одежду увязали, зашили в выданные каптёром наволочки, подписали и за счёт армии отправили домой. Сержант строго контролировал каждое получение, не давая умному прапорщику хоть что-то сэкономить. Поставив свою подпись в амбарной книге кладовщика сержант Кваша вывел свой отряд на свежий воздух с душного, пропахшего вещевым запахом, склада. На них сразу же обратили все внимание. Сергей с Владимиром рассматривали друг друга с не скрываемым интересом. «Вот бы сейчас меня моя Алёнка увидела в такой-то одежде» мечтательно сказал Сергей. «А где же наши парадки, а, товарищ сержант, все смотрю получили, а мы?». «Вам пока не положено, а потом всё своё получите, не переживайте так сильно, обижены точно не будете» ответил Кваша хитро прищурившись. После завтрака пришёл старший лейтенант и сообщил, что вылет через два часа. Кваша подал команду: «Отделение! Строиться с вещами». Ещё через несколько минут все сидели в бортовом тентованном Газ 66, который выехал с приютившей их на сутки части, и гнал теперь к Ворошиловградскому аэродрому, где уже стоял груза-пассажирский военный ИЛ 76 готовый к вылету в любую точку нашей необъятной страны. Чуть пугала неизвестность.

ИЛ разогнался и легко оторвавшись от земли стал набирать высоту. В огромном грузовом салоне стояли какие-то ящики, накрытые сверху брезентом, а вдоль всего борта на длинной привинченной к полу скамейке сидели «пассажиры». Кроме их в самолёте летело ещё около тридцати человек. Практически все были в форме. Здесь и солдаты, возвращавшиеся с отпусков, и офицеры, следующие по своим военным делам. Несколько гражданских лиц сидели в самом начале у двери пилотской кабины и о чём-то жарко спорили, показывая карандашом на раскрытую перед ними карту. Сергей с Володей всё – это время практически не разговаривали. Сергей постоянно присматривался, то к сержанту, то к старшему лейтенанту. Те вели себя как-то не так, как остальные. Они, если и разговаривали между собой, то в основном только жестами, знакомыми только им двоим. Сержант Кваша практически не трогал призывников, и казалось даже не замечал ихнего присутствия в самолёте. Одного из молодых бойцов стошнило. Сержант подставил ему не понятно откуда взятое ведро и протянул небольшую зелёную в чехле фляжку. Парень сделал всего один глоток и схватился за горло. Кашель продолжался ещё минуту. Старший лейтенант очень серьёзно разглядывал парня, как будто делая свои выводы о новичке. Сергей и Володя даже не познакомились пока с новыми товарищами, и не знали, как их зовут, единственное, что все они теперь просто земляки. Один из гражданских протянул кашляющему парню не большое красное яблоко, но старший лейтенант жестом отказал в подарке. Гражданский сел на своё место. Через час с небольшим самолёт сел на

военную полосу в аэропорту Москвы в Шереметьево. «Приготовиться к выходу» командовал сержант Кваша и все новобранцы стали подтягивать своё новое обмундирование и надевать на плечи вещмешки. Огромный задний люк самолёта медленно открылся. «Внимание! Отделение, к машине, бегом марш!» командовал сержант и сам первый выбежал по шершавому трапу из салона самолёта к стоящему Газ 66. Через минуту автомобиль подвёз группу к другому борту, такому же Ил 76 готовящемуся к вылету. «На борт за мной бегом марш!» громко подал команду Кваша и шестеро бойцов не оглядываясь побежали к трапу. Огромные люки медленно закрылись и заработали двигатели набирая нужные обороты. Самолёт разбежался и взлетел. В огромном салоне кроме них, восьми человек пассажиров, стояло только два, совершенно новеньких БМД без вооружения, распёртые растяжками и прикрытые маскировочной сетью. «Всё, теперь домой» неожиданно подал молчавший всё это время старший лейтенант. «Да, через шесть часов будем дома» ответил ему Кваша и обернувшись к новобранцам сказал: «Можно отдыхать».

Самолёт приземлился на военный аэродром Курган-Тюбе, когда таджикистанское горячее солнце, всё ещё достаточно сильное в октябре, клонилось к своему закату. «К выходу!» подал команду Кваша. У Сергея, да и у всех остальных новобранцев, от длительного полёта и работающих винтов самолёта заложило уши, и солдаты силились воздухом пробить образовавшиеся пробки. Построившись у самолёта Сергей огляделся. Во все стороны протянулись выжженные солнцем степи, где-то там на закате садящегося солнечного круга, виднелись горы, своими белоснежными вершинами. Город стоял в противоположной стороне. Через какое-то время на полосе показался тентованный Газ 66. Водитель ефрейтор с узкими глазами и круглым лицом лихо подъехал и остановился у самого трапа. «Товарищ майор!» неожиданно обратился он к старшему лейтенанту: «Транспорт прибыл». «Спасибо Ромул» ответил офицер и пожал ефрейтору руку садясь на командирское сидение. «К машине!» дал команду сержант. Открыв задний борт автомобиля шестеро бойцов расселись по лавкам у бортов. Закрыв борт, автомобиль плавно тронулся и набирая скорость покатил по бетонной полосе прочь от самолёта, из чрева которого уже выезжали тяжёлые, новые машины войны.

Ехать пришлось долго. Уже стемнело и сразу же стало холодно и не уютно в тёмном кузове движущегося по перекрёстной местности, автомобиля. Ромул дело своё знал хорошо, как и дорогу в часть. Сергей глядел пока что-то было видно на убегающую из-под колёс степную дорогу и не понимал, как можно всю её выучить наизусть, ведь никаких указателей он не встретил. «Вова!» обратился он шепотом к товарищу: «Ты заметил, что нашего старлея водила называл майором?». «Да, все заметили, только сиди молча, умнее будешь, понял?». «Да, только всё равно интересно, куда же это мы с тобой и с этими пацанами попали?». «Ещё не попали» неожиданно отозвался сержант Кваша: «Вот уже скоро прибудем, тогда попадёте в учебный центр КГБ СССР. Впрочем, Вам уже скоро всё объяснит наш командир». «А, что он и в правду майор?». «Да, самый настоящий». «Я так понял, что Вы тоже не сержант?». «Да, и я не сержант, я прапорщик. Ребята, всё очень скоро сами узнаете» и Кваша оборвал короткий разговор. Через два часа машина подъехала к воротам и подала звуковой сигнал. Ворота медленно распахнулись. Четыре огромные немецкие овчарки медленно вышли на середину дороги и молча сели, заняв проезд. Военный с автоматом подал животным команду одним взмахом руки и те так же медленно перешли на обочину, но остались стоять готовые к действию. Солдат отдал честь: «С приездом, товарищ майор». «Спасибо, Саблюк» ответил командир из кабины. Машина проехала ещё какое-то расстояние и остановившись заглохла. Тишина давила в недавно пробитые от пробок уши. «К машине!» отдал команду Кваша и первый спрыгнул на землю. «Построиться!» командовал он. Отделение выстроилось в один ряд. Все практически одного роста и телосложения молодые парни смотрели на своего командира не понятыми пока глазами. «С прибытием Вас, товарищи курсанты в учебный центр КГБ СССР в населённый пункт Пархар. Меня зовут майор Бивнев Александр Александрович, позывной

«Бивень», друзья могут называть просто Сан Санычем, но их у меня мало. Здесь, за несколько месяцев напряжённой учёбы с Вас сделают настоящих солдат. Вы все подобраны исключительно по своим физическим данным.» он внимательно поглядел в глаза парня, которого тошнило в самолёте: «Или практически все» повторился он. «Вы получите воинскую специальность разведчика—диверсанта широкого профиля и на полтора года вольётесь в руководимое мною подразделение. Все вопросы потом, а сейчас всем кушать и отдыхать. Все продукты с Ваших вещевых мешков, сдать в каптёрку на хранение. Всё, прапорщик Квашинин, командуйте». Он повернулся на каблуках и зашагал в сторону длинного помещения, крытого камышовыми матами. «Шагом, марш!» скомандовал Кваша—Квашинин и отделение последовало за ним в помещение казармы.

Отделение шагало по самостоятельно кем-то не специалистом выложенной брусчатке. Камень был уложен абы-как шириной в полтора метра и можно было идя по нему легко оступиться и повредить себе ноги. Прапорщик как будто услышал мысли всех идущих: «Ничего, ничего, эта аллея очень скоро Вам покажется самой гладкой дорогой в мире. Запомните мои слова, салаги». Отделение вошло в двойные двери одноэтажного здания. На «тумбочке» стоял ефрейтор с повязкой и штык ножом на ремне. «Дежурный по роте, на выход!» подал он стандартную команду дневального и сам же доложил, отдав честь прапорщику. «Товарищ старшина, в расположении роты порядок, командировка двенадцать человек и два офицера, на посту четверо—Саблюк КПП, Егоров – кухня, Самсоненко – дозор и я дежурный по роте. Ромул Галиев водитель». «Хорошо Вагин, принимаем пополнение, теперь мы в полном составе» пожимая руку ефрейтору сказал прапорщик. «Откуда, салаги?» улыбаясь спросил Вагин. «С Донбасса» холодно отрезал Сергей за всех. «Ладно, пошли к каптёрке сдаваться, что там у Вас в сидорах?». Он открыл дверь помещения, и все вошли внутрь. С Двух сторон не большого продолговатого помещения стояли шкафы с вещами, чемоданами на которых были наклеены бирки с фамилиями, какие-то инструменты, ящики, альпинистское снаряжение, комплекты новой обуви. В зашторенном шкафу—парадки, каждая накрыта белой простынёй. Володя толкнул друга показывая на одну из парадок с погонами младшего сержанта погранвойск: «Глянь, там Красная звезда и медаль «За боевые заслуги» шепнул он Сергею. Вагин выдвинул длинный фанерный ящик и открыл крышку. В нём, перегороденном перегородками, были складированы разные консервы. «Выкладываете каждый по очереди всё своё по перегородкам, тушёнку к тушёнке, рыбу к рыбе и так далее. Всё это потом будете брать с собой. Всё понятно?» Все разложили свои НЗ по перегородкам. «Пошли покажу каждому его место, за тем кушать и сегодня отбой. Всё узнаете завтра». Ефрейтор проводил молодых в расположение. Четыре не больших расположения по три двухъярусных кровати в каждом. «Ваше расположение самое дальнее с права, койки займите сами». Сергей занял нижнюю, над ним Володя и одна тумбочка на двоих, два табурета. После умывания группа прошла в самый конец здания в столовую. Четыре стола и длинные лавки для посадки по три человека. Два стола были сдвинуты в угол и один стол стоял на другом, там же были и лишние скамейки. Два стола были для приёма пищи. «Да, когда они с командировки приедут, тут тесновато будет» заметил один из новобранцев. В окне раздачи пищи суетился остриженный наголо крепыш в колпаке и белой куртке: «Эх... Пусть только быстрее возвратятся, мы в тесноте не в обиде» проговорил он, услышав фразу молодого бойца: «Подставляй миски!». Егоров насыпал в глубокие миски полные гречневой каши с мясом, выдал по два куска хлеба и по солёному огурцу. «Покушаете придёте за чаем и белым хлебом» сказал он не спеша вытирая полотенцем уже вымытую посуду. Ужин был вкусным. После сладкого чая с белым хлебом молодые разделись и кое как сложив своё обмундирование, улеглись на свои места. Это был первый и последний день их спокойной жизни, но они об этом только догадывались.

«Рота, подъём!» прокричал дневальный в длинном коридоре казармы: «Выходи строиться, форма одежды номер три без ремня и головного убора, бегом!». Старшина Квашинин

в камуфляже, но не в берцах, а в бело—зелёных кроссовках, стоял на улице с секундомером в руках. Сергей выскочил первым, за ним ещё один парень и только после этого Володя. Все шестеро стояли в строю, когда старшина щёлкнул секундомером: «Плохо конечно, ладно сон тренаж проведём отдельно, а пока кросс. Сегодня пробежим три км по пересечённой местности, гляну кто из Вас есть, кто. За мной бегом, не отставать!». Он бежал легко и красиво, высоко поднимая колени и чётко отмахивая сжатыми в локтях руками. Ворота за территорию и сам шлагбаум были открыты, на посту стоял всё тот же вчерашний Саблюк, только в техническом халате на голый торс и в бриджах, на ногах кроссовки, как и у прапорщика. Группа в колонне по одному бежала в след своему командиру. Прапорщик сделал не понятный жест и Саблюк тут же отдал рукой свой приказ. Неизвестно откуда выскочили всё те же четыре огромные овчарки и построившись парами на расстоянии пяти метров от бегущего строя стали его преследовать, не приближаясь и не издавая ни звука. Прапорщик ускорил бег, собаки стали догонять бегущих и подавать сигналы лаем, готовые к нападению. Строй усилил бег. Сергей бежал вторым, первым за прапорщиком след в след бежал вчерашний парень, тому, которому стало тошнить в самолёте, Володя отстал и бежал четвёртым. Пробежав круг в три километра, группа вбежала в открытые ворота. Собаки, добежав до шлагбаума, как по команде остановились и вывалив свои алые длинные языки уселись в одну линию ожидая благодарности от подходящего к ним кинолога. Саблюк погладил по голове каждое животное и снова что-то показал одним жестом. Собаки исчезли так же мгновенно, как и появились. Прапорщик остановился и поглядел на свой секундомер: «Честно скажу, совсем даже неплохо для первого раза. Пошли на спортгородок» и первым побежал по дорожке, вновь высоко поднимая колени. Группа последовала за ним. Только сейчас Сергей огляделся. Военный городок, если конечно вообще это место можно было назвать городком, был очень маленьким. Казарма, столовая и штабное—учебное здание стояли буквой «П». Два входа, один в казарму с левой стороны и в учебный центр с правой. С тыльной стороны не было даже окон. Чтобы пройти в столовую надо было войти в казарму и в самом конце коридора повернуть на право. Варочный зал в столовой был в середине с двух сторон размещались солдатский зал и офицерская столовая с обратной стороны. Повар был одному помогал дневальный с роты. Со стороны входа в штаб находились три класса для занятий, штабное помещение и две комнаты общежития для офицеров. В конце их коридора поворот на лево вход в офицерский зал столовой. За казарменной построшкой размещался спортивный городок. Брущатка вела от П-образного строения ко второму и последнему, но уже Г-образному строению КПП. Длинное, узкое здание включало в себя комнату КПП, через стенку от него располагался кинологический питомник и примыкал к стене питомника самостоятельно достроенный Саблюком не большой свинарник. Между собачником и свинарником умелыми руками сверхсрочника была построена обычная русская печь, которая грела и свинарник и разделённый несколькими вольерами, питомник. Все здания в городке были покрыты матами с сушёного камыша, что делало их практически не заметными с птичьего полёта. Вся территория была огорожена тремя рядами колючей проволоки, по тропам которых выполняли свою охранную функцию днём и ночью собаки. За огороженной территорией во все стороны раскинулась степь, переходящая в пустыню. До ближайшего поселения городского типа Пархар было несколько километров. С востока виднелась горная гряда с белыми шапками на вершинах, там Афганистан. На хозяйственном дворе Саблюка находился и дизель—генератор, единственный источник электроэнергии и подземный склад—подвал с холодильником для мяса. Между двумя строениями в самом центре городка находился глубокий двенадцатиметровый колодец, умело выложенный диким камнем до самой воды. В самом верху он был обшит деревом, окрашенным коричневой краской, с колесом и закрывался деревянными крышками. Над ними такой же деревянный навес от дождя. Оцинкованное ведро стояло перевёрнутым на этих крышках соединённое с колесом стальным, не ржавеющим тросиком. У Саблюка было ещё два

помощника, но парни в данный момент находились в командировке, где именно, можно было только догадываться.

Спортивный городок выглядел, как и всё армейское—безобразно, но однообразно. Самодельные тренажёры, тяги с танковых траков, турник с обычных труб засыпанным песком, чтобы не прогибались от веса, самодельный «конь» оббитый неоднократно штопанным брезентом, на ровной площадке двое ворот с натянутыми сетками и яма с песком для прыжков и занятий рукопашным боем. Не большая полоса препятствий. «Построиться!» скомандовал прапорщик Квашинин: «После небольшой разминки проведём мастер-класс по знанию приёмов рукопашного боя». Он снял с себя верхнюю куртку и оставшись с голым торсом первым побежал к брускам. «Делай как я!» скомандовал он и выполнил подъём—переворот, за тем выход силой и в конце переворот назад и соскок. За тем на турнике он показал первое стандартное упражнение с выходом—силой при подъёме и стойкой на плечах с соскоком назад. Закончив упражнение, он взглянул на Сергея: «Рядовой Арсентьев!». «Я» ответил Сергей. «К снаряду!». «Есть». «Приготовиться Головченко». Мышцы парня, привыкшие к нагрузкам, соскучились по занятиям и казалось сами просились в работу. Сергей легко выполнил упражнение на турнике, подошёл к брускам и добавил к показанному упражнению ещё и «солнышко». Правильно выполнив соскок, он доложил: «Рядовой Арсентьев упражнение закончил» и стал в строй. Сергей стоял в строю и внимательно наблюдал за выполнением упражнений другими новобранцами. Володя также выполнил всё упражнение, только без «солнышка». Все новобранцы успешно прошли первый урок. «Всем оценка удовлетворительно, а рядовому Арсентьеву двойка и наряд на службу за самовольное принятие не правильного решения во время упражнений» объявил прапорщик: «Солдат должен чётко выполнять только ту команду, которую поставил ему его командир и не иначе» глядя Сергеем прямо в глаза сказал Квашинин: «Представьте себе, во время боя ему командир скажет занять ту или иную позицию и стрелять короткими или одиночными выстрелами, а солдат решит по-своему и начнёт кидать гранаты? Что будет со всем отделением, если каждый будет сам лично принимать решения?». «А то, что ты умеешь крутить «солнышко» ставлю в пример всем» добавил старшина роты с хитрой улыбкой на губах. Ему сразу понравился этот парень, он ещё даже и сам не понимал почему. «Так, всем привести себя в порядок и через двадцать минут строимся в казарме для приёма пищи. Бегом марш в расположение!» скомандовал прапорщик и медленно пошёл сам в след убегающим будущим солдатам.

Завтрак был обычным —макароны по-флотски и сладкий чай, хлеб с маслом. За собой каждый убирал посуду, относя и складывая её в окне приёма и выдачи. На построение пришёл майор в своей полевой форме, но на погончиках красовалась зелёная полевая большая звёздочка старшего офицера. «Становись!» скомандовал прапорщик: «Равняйся! Смирно!». Он отдал честь командиру, повернувшись к нему лицом. Бивнем жестом руки остановил приветствие. «Доброе утро товарищи! «как-то по-домашнему обратился он к строю молодых солдат: «С сего дня мы начинаем проводить с Вами полноценные занятия в нашем учебном центре ставя перед собой задачу за четыре месяца научить Вас разведывательно—диверсионной военной специальности. Специальность военного диверсанта довольно редкая профессия в любой армии мира и подвержена, как и на пример специальность снайпера, большому риску при попадании в плен, но с другой стороны она также и востребована, как одна из нужных профессий сего дня. Мы будем учиться с Вами минно—сопёрному делу. За это короткое время Вы выучите и попробуете своими руками все отечественные мины и мины стран НАТО и Варшавского договора. Будете знать, как правильно установить или снять то или иное устройство, узнаете саму «душу» страшного названия под именем МИНА. Мы научим Вас пользоваться практически всеми видами стрелкового оружия всех стран мира, Вы научитесь стрелять со многих систем артиллерийских орудий, гранатомётов, ПЗРК, пользоваться всеми имеющимися системами связи, водить колёсный и гусеничный транспорт, прыгать с парашютом. До уровня разго-

ворного изучите язык страны, в которой Вам предстоит скоро работать, изучим медицинскую помощь. Работы будет очень много, но Вас выбрала наша страна и Вы не подведёте надежды нашей Родины СССР». Говорил он от самого сердца, просто и доходчиво, совсем не так, как заученно говорят замполиты или инструкторы горкомов партии. Всё было понятно. «Самой главной из дисциплин» продолжал майор: «для всех Вас станет изучение рукопашного боя. Здесь Вы должны быть не просто отличниками, Вы должны стать спецами, без него Вы просто мишени. Рукопашным боем мы будем заниматься два раза в день в промежутках между занятиями по минированию и теориями. Сегодня первое занятие. Сейчас форма одежды три, всем строиться на выходе». Он повернулся и вышел. «Разойдись! Приготовиться к занятиям по рукопашному бою!» скомандовал прапорщик и сам отправился в каптёрку переодеваться. Команда была для всех. Быстро сняв ремни и панамы Сергей и Володя вместе с новыми товарищами выбежали на улицу. Егоров, Саблюк, Вагин, Галиев и Самсоненко уже стояли, Квашинин поглядывал на свои часы. «Быстрее надо, быстрее!» торопил он молодых: «На спортгородок бегом марш!» скомандовал он и сам побежал первым. Перед ямой с песком все выстроились в один ряд. «Начнём с подготовки и посмотрим кто на что способен» сказал подошедший майор. «Сейчас мы разобьёмся на пары, один вновь прибывший, один старослужащий и начнём с простых приёмов. Так, как разобьёмся, так и будем работать каждый день. Я выбираю себе вот этого парня» и командир указал на Сергея. Володя достался Саблюку. Парень, который был вторым на сегодняшней пробежке, его так же звали Сергей Водопьянов родом с Краснодона, достался прапорщику Квашинину. Володя не волновался. Обученный другом и навыкам рукопашного боя и кое каким из приёмов самбо, и несколькими упражнениями из карате, вышел на позицию и довольно просто отразил у своего учителя удар ножом в первом упражнении, свалив кинолога в песок ямы. «Браво!» обрадованно воскликнул майор: «вижу, что где-то чему-то тебя учили». Он подошёл к Саблюку и что-то ему шепнул. «Второе упражнение» скомандовал он: «Эта же пара, сошлись!» И снова Саблюк, перелетев через плечо Володи, оказался в песке ямы. «Не плохо, не плохо. Кто Вас обучал этому? Это было довольно сложное упражнение, а у Вас оценка отлично». Саблюк немного взволнованно глядел на майора, стараясь показать ему, что готов к реваншу. «Учил меня мой товарищ» ответил Володя. «Да... Жалко, что его нет. Видно хороший учитель» ответил майор. Сергей приложил палец к губам, показывая, что не стоит говорить большего, но было поздно, Володю от успехов понесло и он выдал: «Да как же нет, это наш Сергей Арсентьев, мы с ним с малёчи вместе» и указал майору глазами на друга. Наступила тишина. Все глядели на покрасневшего Сергея, которого сам не зная того выбрал майор себе в напарники. «Ну чтож, выходи». Сергей спокойно вышел и стал в центр ямы. «Упражнение тридцать шесть» сказал номер сложности майор и подошёл к парню. Он подпрыгнул и попытался захватить своими ногами шею Сергея, чтобы свалить его сделав мёртвый захват на удушение. Сергей перевернулся в воздухе в тот момент, когда ноги майора коснулись его шеи. Сделав кольцо, он уложил майора лицом в песок, при этом руки его были уже собраны Сергеем в замок за его спиной. Отплевавшись и сев на песок, майор протёр глаза: «Да... Я такого приёма ещё не встречал. Вообще-то тот приём, который я старался провести, практически не отбивается. А тут такое...» Он ещё раз отплевался. «Всё занятия продолжайте по парам, Сергей, пошли посидим, я с тобой хочу поговорить». Все начали работать с приёмами. Майор и Арсентьев отошли и присели на длинной вкопанной скамейке. «Послушай, Сергей, ты для нас просто клад. Я тебя прошу научить всему, что ты умеешь нашу группу. Пусть не всему, но самому необходимому. Договорились? И меня в том числе» «Да ладно, хорошо, мне что жалко, подучу, мне и самому нельзя расслабляться, буду конечно учить, товарищ майор». Они пожали друг другу руки.

Первые две недели пребывания молодых ребят в учебном подразделении пролетели быстро. Утро начиналось с традиционной пробежки с собаками, каждый день прапорщик увеличивал расстояние на полкилометра. За тем завтрак и построение на занятия, ближе к обеду

первое занятие по рукопашному бою, за тем снова час занятий по тактике и обед. За тем ещё три часа тактики и снова рукопашный бой, перед ужином пробежка с собаками по утрешнему маршруту. Сергей отдавал все свои знания и способности. Все быстро сдружились. Заниматься рукопашкой приходил и сам майор систематически, он становился в пару с Сергеем и работал на износ, оттачивая то или иное упражнение до блеска. Сергей показал единственный приём нападения, который успел выучить, но не применял. Назывался он «Удар гюрзы». Ладонью руки с напряжёнными пальцами надо было точно попасть под левую лопатку в точку. После чего через минуту наступал паралич и смерть. Изучали только двое—майор и Ваня Куценко. Бивнев, был одним единственным учителем в центре. Он готовил группу себе, вернее под себя. Его знания поражали даже начитанного Владимира. В группе было ещё четверо парней — Борзых Михаил с Красного Луча, Куценко Иван с Лисичанска (единственный женатик в центре) и Суша Виктор из Стаханова (его в лицо помнил Сергей по учёбе в техникуме) и Сергей Водопьянов из Краснодона. Все парни были с техническим образованием, без профессии был только Володя. Полученное техническое образование помогало с учёбой технических вопросов минно—сапёрного ремесла. Майор не скрывал, что ему нравилось работать со своей новой группой. Приближался большой, главный праздник всего Советского народа— 7го Ноября — 70 Лет Великого Октября. Он выпадал на субботу и воскресенье. К нему стали готовиться. Утром, в воскресенье первого ноября в центре появились новые люди. Видно, что приехали они ночью, по тому, что заняли свои места в одном из пустующих расположений казармы, а утром в столовой появился дополнительно перевёрнутый и установленный стол. На подъёме и пробежке их не было, они продолжали отдыхать, не было их и на общем завтраке и только ближе к обеду шестеро парней в тельняшках и кальсонах появились в туалете и умывальнике. Двое из них были легко ранены в руки, на месте ранений красовались повязки, у одного рана кровоточила. Они всё делали молча, тихо и быстро, как один отточенный механизм. Перед обедом они первый раз стали в строй. «Товарищи!» обратился ко всем майор Бивнев: «В центр с длительной, четырёх месячной командировки прибыла группа наших товарищей, познакомьтесь и всем приятного воскресного аппетита». Сидя за своим столом, Сергей, Володя, да и вся остальная группа с не скрываемым интересом наблюдала за своими старшими товарищами по службе. Та группа практически вся была с Азии. Темноволосые, круглолицые и узкоглазые крепыши, высокого роста, с играющими под гимнастёрками мышцами, побитые сухим и холодным ветром гор лица у всех обветрены, губы с ранками. Они ели молча и быстро. От киселя группа отказалась и им принесли свежо заваренный чёрный крепкий чай, практически чифирь. Подошедший Саблюк сообщил: «Группа вышла с Афгана. Выполняла задание в Кандагаре. Вынесла на себе своего тяжело раненого командира старшего лейтенанта Тумаева Фархада. Вы пока к ним в душу не лезьте с расспросами, пусть до праздника недельку отоспят, потом познакомьтесь, они парни весёлые, особенно вон тот со шрамом на лице Дильмурат Зельябитдинов, мы его Димкой зовём промеж собой».

Следующая неделя была наполненной. Перешли к практическим занятиям по изучению мин в живую, а не с плакатов в классе.

3.

7го Ноября, в Великий для всей огромной страны Советов праздник, новое пополнение принимало Присягу на верность СССР и своему народу. После завтрака старшина стал выдавать всем присутствующим в подразделении парадные формы для торжественного построения в честь 70й годовщины Октября и принятием присяги. Сергей с Володей не могли налюбоваться своей новой формой. Это уже не простое камуфлированное х\б, а п\ш—ботинки, китель, брюки, рубашка и галстук, как на картинке, да ещё и зелёная, пограничная фуражка, самое святое у каждого погранца из обмундирования. Все шестеро новобранцев вчера вечером учили наизусть текст присяги, а сегодня каждый то и дело повторял её про себя и переспрашивал кого-то, чтобы повторить ещё раз. Поступила команда строиться во дворе между зданий на единственной дорожке. На улице, как по заказу, светило ещё тёплое Таджикистанское солнце, ветра, который досаждал всем последние десять дней, не было, на небе не облачка. «Становись!» подал команду прапорщик Квашинин: «Равняйся! Смирно!». Он чётко повернулся и сделав два шага отдал честь подошедшему майору. «Товарищ майор, гарнизон учебного центра для торжественного принятия присяги молодым пополнением построен! Старшина учебного центра прапорщик Квашинин!». Он сделал два шага в сторону и развернулся лицом к строю всё продолжая отдавать честь. «Здравствуйте, товарищи!» приятным голосом приветствовал строй командир. «Поздравляю Вас с Праздником 70ти летия Великой Октябрьской Социалистической революции!». Троекратное «Ура» прозвучало вполне нормально для не большого коллектива. Кожаная папка с Присягой лежала на выставленной вперёд тумбочке. Бивнев стал объявлять фамилии. Сергей вышел вторым, Володя предпоследним. Только теперь, стоя с автоматом перед не большим строем товарищей, Сергей рассмотрел их парадные кителя. У всех на груди были боевые награды. Медали «За Отвагу» или «За боевые заслуги». У некоторых, включая и старшину—Красные Звёзды, а у майора в дополнение к Звезде и двум медалям орден «Боевого Красного Знамени». Произнося на память текст своей присяги, он не сводил глаз с наград: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых сил СССР, принимаю эту Присягу и торжественно клянусь! Быть смелым, стойким, дисциплинированным, бдительным воином...», это было по истине торжественно и гордо за свою страну: «Выполнять все приказы командиров и начальников...». Володя заканчивал читать текст присяги: «...пусть покарает меня суровая кара...» и на глазах у него выступили слёзы.

Обед был праздничным. Шестёрка новых бойцов теперь уже прочно влилась в общий коллектив. Старшина поставил на стол несколько бутылок красного сладкого вина, чтобы помянуть погибших ранее товарищей. Да...Здесь было не так, как в обычной армии, как-то по-домашнему просто и очень строго по отношению к службе. «Димка, спой» попросил майор Дильмурата. Это его сержантский кители рассматривал по прибытию в часть Сергей. Орден «Красной Звезды» и медаль «За Отвагу» вместе с какими-то ещё знаками украшали грудь казаха. Дима молча встал, взял в руки гитару и высоким голосом запел песню А. Розенбаума «Чёрный тюльпан». Сергей с Володей первый раз слушали в живую песню под гитару в исполнении воина. Даже повар перестал стучать своей посудой, высунувшись в раздаточное окошко. Наступила отчаянная тишина. «...как в Кандагаре, и Баграме...» пел Дима и вдруг его голос сломался и он, бросив гитару упал на стол со стоном. С его глаз текли потоки слёз. Его никто не утешал. Сергей увидел слёзы и в глазах, вышедших неделю назад парней. «Что... Трудно пришлось в этот раз?» спросил старшина. «Да... Дали нам духи просрать, и, если бы не вертушки, сегодня бы Димка не пел» ответил его узкоглазый товарищ. «Но банду мы всё же практически всю уничтожили ещё в кишлаке. Задание Родины выполнили полностью, вот только командира перед самой посадкой на борт снайпер задел тяжело, еле довезли» добавил

он. Старшина разлил остатки сладкой, тянущейся жидкости по кружкам: «Чтобы все всегда возвращались домой» сказал он свой тост и выпил не чокаясь. Два праздничных дня пролетели быстро. Майор объявил о практических занятиях в горной местности. «Задание самое настоящее, боевое. Пойдём минировать тропу в горах, по которой моджахеды доставляют из Афганистана в нашу страну наркотики и оружие» объяснил он на одном из занятий по минному делу. «А когда выход?» поинтересовался один из молодых. Майор внимательно поглядел на него, погрозил, как мама в детстве пальцем и ответил: «Как только прикажут». Иван Куценко понял свою вину: «Прошу прощения» опустив голову сказал он. «Это хорошо, что понял. Ни каких вопросов, только выполнение команд. Зарубите себе это ещё раз на носах». Дни шли за днями, тяжёлая, кропотливая учёба не заканчивалась. Майор лично показывал, как установить и как за тем правильно снять установленную мину, ещё сложнее, если её установил кто-то другой, а именно враг, которому очень надо уничтожить именно тебя, и кто из Вас умнее и выносливей, тот и выживет в этом поединке. Учили в большинстве пакистанские мины Р1 М1 и английские с взрывателем замедленного действия №9 эль Мк-1, «подрывную машинку» США и минный взрыватель натяжного действия—Англия. Мины противопехотные фугасные типа: К-38 (СССР), ТС-50 (Италия) и ТИП «72» (КНР). Особенно пристально изучали противопехотные мины К59 и М -18м1 «клеимор» (США). Самую коварную мину натяжного действия «лепесток смерти» (СССР) и ПФМ-1С само подрывная мина способная взорваться после 1—40 часов после её установки. Самая массовая мина—Итальянская ТС11.5 Её не определял ни один миноискатель. Мины ПФМ1 без само подрыва шли в кассетах и их возможно было разбрасывать не устанавливая. Срабатывала она при нажатии на лепесток ногой. Мина подскакивала и взрывалась на не большой высоте поражая в основном конечности наступившего на неё человека.

Сергей усваивал минное ремесло мгновенно, а у Володи присутствовал страх перед возможным взрывом. «Страх присутствует у всех» говорил майор: «Без него нет чувства самосохранения, но с этим чувством надо бороться». Лучше всех, как ни странно, получалось у Вани Куценко. Было такое чувство, что он просто срастается с взятой им в руки миной и чувствует её душу. Так же легко и просто он снимал поставленные чужими руками мины. У него за всё время обучения не было ни одного само подрыва. У Сергея было пять осечек, у Володи под десятков, как и у остальных минёров, а у Ивана—ноль. Но работали- то пока с макетами, взрыватель только громко щёлкал при ошибке считая подрывы, хоть и макеты ничем не отличались от настоящих изделий смерти.

«Подъём! Боевая тревога!» громко кричал дежурный, уже открывающий двери оружейной комнаты. «Выходи строиться и получать оружие!» доставая журнал записи выдачи оружия с полки продолжал кричать Вагин. Бивнев стоял полностью одетый в зимний бушлат, ожидая построения. «Поступил приказ выдвинуться в указанный квадрат и заминировать участок горной дороги произвести задержание каравана, идущего со стороны сопредельного государства на нашу сторону. Со мной пойдут все молодые и трое бойцов с группы старшего лейтенанта Тумаева, прапорщик Квашинин— СВД и сержант Егоров в качестве радиста, всего двенадцать человек вместе со мной. Повара замените раненым бойцом, командовать остаётся сержант Зельябитдинов. Все понятно? Тогда Ромул Галиев заводи. Все к машине!» Все побежали к КПП где стоял авто ефрейтора Галиева. «Дима, не знаю на сколько дней мы идём, но будем не на своей территории» – отозвав сержанта в сторону добавил майор: «Принимай радио, звонки, следи за порядком, да и Самсонова проверяй по чаще вместе с его другом Саблюком, ибо они пригреблись со своими ранами» улыбаясь и пожимая руку сержанту закончил своё напутствие командир. Старшина бежал последним, неся увесистый вещевой мешок и свою СВД.

Газ 66 урча налаженным, ухоженным умелыми руками Галиева, мотором бежал по ночной полевой дороге. Перьевые облака практически не скрывали звёзд и не полного, убывающего месяца. Ветра не было и если бы не урчание двигателя, стояла бы гробовая тишина. «Едем

в Курган—Тюбе» сказал сидящий у самого борта старшина и поднял ворот бушлата, стараясь прикорннуть. «Давай по дремлем, езды два часа» предложил Сергей Володе и подняв воротник уткнулся носом в плечо друга. Два часа пролетели мгновенно. Машина остановилась возле длинного, высокого деревянного забора—маски. Ворота тихо открылись и солдат с автоматом пропустил транспорт во внутрь. «К машине!» дал команду майор. «К машине и ничего не забывайте» продублировал старшина, снимая свой тяжёлый вещевой мешок. «Товарищ майор, разрешите раздать почту?» спросил Ромул. «Раздай, только быстро». Водитель называл фамилии и протягивал ценные конверты, пахнувшие руками родных людей. «Всё? Шагом марш!». Две шеренги по пять человек во главе со старшиной тихо пошли по асфальтированному тротуару к еле заметному в темноте зданию. «Так, Ромул, вот тебе накладные, утром получи всё по ним согласно описи и бегом домой в часть. Можешь до утра поспать в кабине, только мотор не заводи». «Есть, товарищ майор, удачи Вам». «Спасибо, бача джан» и пожав на прощание ефрейтору руку, спокойным мерным шагом пошёл догонять ушедшую вперёд группу. «Помоги им Аллах!» прошептал в след уходящего командира Ромул...

Военные склады в Курган – Тюбе охранял гарнизон капитана Мурата Казиева. Он же был и начальником складов. «О... Салам шурави Сан. Саныч!», поднимаясь со стула за большим столом и идя на встречу майору расставив руки для обнимания, произнёс капитан, заведя вошедшего товарища. «Салам, дорогой Мурат Казиев, салам, бача джан!». Друзья обнялись. Сергей, стоящий в общем строю, понял, вспомнив знакомство с майором, что по имени и отчеству его могут называть только друзья, но их мало. Казиев был одним из таких, но за всё время службы он был первым, назвавшим так командира. «Что? Выдернули и тебя?» присаживаясь спросил он у Бивнева. «Да, Мура, да, дорогой, рановато немного, но приказ есть приказ». «Смотрю сегодня ты с двойным составом идёшь?». «Да, моя шестёрка молодые не опытные, вот пришлось взять троих с группы Фархада Тумаева, они неделю как вышли из-за речки, ещё и не отдохнули как положено, а сам Фархад в Душанбе с ранением в лёгкое лежит. Да ещё двух спецов прихватил на всякий случай». «Не пойму одного, берёшь с собой боекомплект, как на войну собрался, что так серьёзно?». Бивнев прошёл по коридору склада заглядывая в получаемое его подчинёнными, проверил у прапорщика правильность заполнения документов и лишь потом ответил другу: «Да, более как серьёзно. Ты слышал о полевом командире «Аслане бен шахе», в быту туркменом и прапорщиком погранвойск Оразом Госаевым?». «Да, маленький такой, его не хотели когда-то и брать на учёбу, не хватало сантиметров». «Так вот, он в 86 году уволился, собрал себе отряд, назвался полевым командиром и теперь водит караваны с Афгана к нам. У этого «кур баши» под 300 «сабель», вот такой расклад, поэтому такая и загрузчика сегодня». «Да... Трудно будет, ведь он горы как свои пять пальцев знает, почти пять лет на заставе отслужил». «В том-то и дело, а у меня шесть пацанов только-только присягу приняли».

Через час «Миша 8» принял на борт двенадцать вооружённых и полностью экипированных бойцов и взял курс на погранзаставу Нульванд ГБАО Памир в\ч 2022. Памир нельзя описать в трёх словах, грозный и ласковый, могучий и беззащитный, добрый и злой, с огромными седыми шапками снежных вершин с которых набирают силу и бегут холодные и чистые, не тронутые цивилизацией горные реки, дающие влагу и жизнь всему живому на своих склонах и подножьях. На не больших равнинах между гор живут своей жизнью горные аулы, затерянные в не проходимых скалах и как, там выживают простые люди известно лишь одному Всевышнему Аллаху, да и самим горцам, научившимся за столетия жить одной жизнью с Великим Памиром.

Застава 2022 затерялась между высоких гор. На сравнительно не большой ровной площадке уместилось несколько зданий воинской части. Казарма, совмещённая с медкабинетом и столовой—клубом, штаб с ДЧ совмещённый с четырьмя небольшими квартирами—комнатами для нач. состава, кухня с внутренним окном в столовую совмещённая с хоз. двором, питомником для собак и не большой конюшней, баня с парилкой и не большой гараж. Всё это обнесено двумя рядами колючей проволоки с КПП со шлагбаумом и вышкой первого поста.

Вертолётная площадка находилась за периметром части. В самом центре заставы установлен флагшток для ежедневного поднятия флага СССР на утреннем разводе с бетонированной площадкой для наряда, заступающего в караул. За гаражом глубокий колодец, выложенный диким камнем с холодной водой и не большой сеновал. 28 человек пограничников на 12 км горной границы, ЛФ—5км, ПФ—7км, с не упреждаемыми участками в горах, шесть лошадей, четыре собаки, два офицера и два прапорщика с семьями, два автомобиля: Газ 66 и Уаз 469 трудились в части. Командовал заставой старший лейтенант погранвойск 25ти летний сын грузинского народа Джангули Иванович Дауташвилли. Не смотря на молодой возраст у него уже за плечами было 1,5 года Афгана. Сразу после училища был направлен командиром взвода в 70й ОМСБР в провинцию Кандагар, нас. пункт Лашкаргаш. Не однократно учувствовал в боевых операциях, получил боевую награду и после ранения был назначен нач. заставы 2022.

МИ 8 с шумом приземлился на не совсем ровной и сравнительно не большой площадке и не глуша моторы выгрузил свой главный десант. Низко пригибаясь отряд отбегал в сторону от вращающихся винтов огромной машины. Забрав почту и разгрузив привезённый на заставу груз «мишанька» тяжело загудел и поднявшись на какую-то необходимую ему высоту, странно наклонился и полетел прочь, набирая обороты и скорость.

Дауташвилли стоял широко, расставив свои длинные, чуть кривые ноги и улыбался в полный рот прибывшему майору. Сергей сразу сообразил, что и здесь их командира хорошо знают. «Вай—вай! А я —то думаю, кого это в не учётное для полётов время к нам привезли! А это Сан Саныч лично прибыл! Здравствуй, дорогой!». Два товарища как-то просто и искренне обняли один одного и коснулись щеками. «Значит снова тебя?» не договаривая спросил Джангули. «Да, брат, так получается, прошлый раз ведь я его упустил, гада». Отряд двигался к заставе следом, за впереди идущими офицерами. «Ты, смотрю, сегодня с двойным боевым?». «Это не самое большое горе, Джангули. Со мной шестеро пацанов первого призыва, только приняли присягу, а у «кур баши» полная рота профи. Вот важное!». «Да... Дела!» сочувствующе выдавил из себя начальник заставы. «Ладно, пошли кормить личный состав, там покумекаем с тобой, у меня кое—какие мысли есть».

Рыбный суп и полевая каша с тушёнкой были изумительными. После сытного обеда Бивнев разрешил группе отдохнуть и готовиться к выходу в горы. «Квашинин и Егоров показать личному составу как необходимо быть экипированным при движении по горной местности. Да... И получите у местного старшины пять плащ-палаток и четыре лыжные палки» скомандовал он. Группа разместилась на душистой траве сеновала. «Значит будем где-то долго ждать, если плащ-палатки и четыре палки» уверенно заявил Егоров, провожая Квашинина взглядом. «Сергей переглянулся с Володей так ничего и не поняв с разговора и команд командиров. Группа на конец—то достала письма, которые сегодня первый раз раздал перед выездом с части водитель Галиев и принялась их читать. Сергей получил два письма от своей Алёнки и два от родителей. Володя два письма от мамы. Почта шла очень долго. Фыркала привязанная лошадь, заливалась какая-то звонкая пичуга, прощаясь с последним осенним теплом и радуясь солнечному дню, а на сеновале стояла тишина, только шуршание бумажных листов, да тихие вздохи воспоминаний о своих родных и близких. «Приеду домой и сразу родим дочку» не выдержав тишины первым заговорил Ваня Куценко. «А что так?» спросил Егоров, переворачивая своё письмо и не отрывая от него взгляда. «Да жинка пишет, что пацан копия в меня и нос и губы, а я бы хотел, чтобы дочь была похожа на мою Наташку» проговорил Ваня, ещё раз перечитывая родные строки. Володя прочитал письма с дома и сворачивая их назад в конверт глянул на друга. Сергей читал второе письмо от Алёнки принимаясь к запахам от листочка бумаги в клеточку. «Что там Ленка —то пишет?» спросил Володя. Сергей перевернулся на другой бок и отмахнувшись ответил: «Ждёт и любит». «Понятно, а мама моя пишет, что снабжения в магазинах города практически нет, только на рынке. В магазинах лишь пустые полки и банки с морской капустой. Хлеб привозят по времени, собираются огромные очереди, молочное только

по справкам для детей». Он развернул листок и прочитал вслух: «И самое главное, сынок, шахтёры вышли на забастовки. Сидят у местных исполкомов и стучат касками об землю требуя выплат заработной платы и привоза продуктов в магазины...». Все отдохавшие бросили читать свои письма. «Это как же? В СССР и забастовки?» переспросил Бахир, один из тройки с другой группы. Подошедший майор остановил развивающийся спор. «Заканчиваем отдых, из карманов все документы, письма, награды сдать старшине погранзаставы до возвращения». Подошедший с майором прапорщик погранслужбы быстро собрал и сложил в кожаную папку все документы группы. «Через час выходим, всем оправиться и привести себя в порядок. Квашинин, под твою ответственность!» скомандовал майор и пошёл в штаб вместе с пограничным старшиной заставы. «Что, Сан Саныч, сегодня проводника тебе давать?» спросил у друга Джангули. «Ты схемы минных полей мне правильно дал, не менял их никто у тебя по случаю?». «Нет, не переживай и до твоего выхода они останутся такими». «Тогда сами пройдем. Мы с Егоровым эту тропу на всю жизнь запомнили». «Да... Это точно. Ты там «кур баши» и от меня привет передай пожалуйста. Помнить он меня должен, а нет, то напомни.» «Хорошо, кацо. Передам!». Друзья ещё раз обнялись. «Сержант Бруненко, ко мне!» скомандовал старший лейтенант. Усатый сержант в зелёной фуражке появился неоткуда. «Коля, проводи до верхней тропы, сними и поставь на место границу, дальше они дорогу знают сами». «Есть!» ответил сержант и повернулся к майору глянул в глаза. «Пошли» сказал майор.

«По прыгали!» скомандовал Квашинин строю при приближении майора и погранца сопровождения. Вся группа по три раза прыгнула на месте. Ничего не звенело кроме патронов в двух запасных цинках. У каждого бойца по пять сдвоенных магазинов в подсумках и по паре в автомате, в подсумках по шесть гранат Ф1 и по 10ть для подствольного. Егоров нёс рацию и цинк с патронами. Мины ПФМ 1 были разложены у каждого в вещевые мешки. Ещё два бойца с группы Тумаева несли по ручному пулемёту ПК, вместе с АК74 И по цинку патронов к ним. Рюкзак старшины Квашинина был набит до верху. Противогазы не брали, как лишний балласт. Ножи и фляги с холодным не сладким, крепким чаем заваренный поваром пограничником. Шли без бронежилетов. Одетое поверх бушлата оружие и боеприпасы к нему сильно полнили. Шлемы поверх зимних шапок. «Ого! Вы с полной выкладкой» заметил проводник. «Внимание! Вперёд! Пусть нам поможет удача!» дал команду майор и пропуская перед собой проводника и Егорова, пошёл третьим. Замыкал группу Квашинин. Сергею и Владимиру дали нести по лыжные палки и первое время они ими просто пользовались во время ходьбы. «Зачем нам эти палки?» спросил Володя у старшины. «Хм... Ты заметил у командира на ремне не одну флягу, а две?» вопросом на вопрос спросил старшина. «Нет» просто ответил Володя: «Не разглядывал». «Плохо, ты должен, как диверсант—разведчик замечать всё вокруг себя. Две фляги, значит в одной чай, а в другой спирт. А это говорит о том, что будут ночёвки и не одна. Только ночью тебе положена с колпачка фляги норма спирта. Учись, салага». Володя шёл предпоследним, перед ним шёл Бахир с пулемётом, ещё через два человека Серёга. Проводник провёл до верхней тропы и по звонку на заставу снял систему С—100 и «Скалу» с её противным «ку—ку», открыл границу. «Товарищ майор, смотрите на узком проходе идёте след в след, чтобы не попасть под установленные здесь мины «Охота» срабатывающие на шаги. Когда будете возвращаться выйдите по своей рации, я приду и проведу». «Спасибо, сержант, мы с начальником заставы этот вопрос оговорили, но за заботу всё же спасибо». Майор пожал сержанту руку. После прохода разведчиков, сержант дозвонился до заставы, поставил назад границу и спокойно пошёл вниз по только ему знакомой тропе. Группу повёл Егоров. «Товарищ старшина» обратился Володя к Квашину: «Как это так получается, что наш повар и идёт первым?». «Хм... Повар? Кто сказал, что Егорыч повар? Вот когда вернёмся с «зелёнки» я тебе лично расскажу какой он повар, а может и сам к тому времени поймёшь. Иди молча, береги силы, не болтай». Группа шла по чужой территории, чтобы перекрыть умному и коварному врагу пути доставки наркотиков в страну. Шли молча.

Солнце, уже давно перевалившее к закату, не давало тепла, температура стала минусовой, стало темнеть. «Так, внимание, всем собирать по дороге всё горючее, ветки, сухую траву, а ты Егоров, ищи место для первой стоянки». Егоров быстро выполнил данное приказание. У самой скалы он нашёл ровную площадку. «Всем сложить сюда оружие и вещевые мешки и носить камни» дал команду Егоров и сам принялся таскать к площадке ровные скальные камни. Квашинин выкладывал что-то подобное дувалу с трёх сторон скалы. Стенка быстро росла. Работали споро. Выгнав стенку около метра высотой, Егоров сел и прислонившись к ней, измерил высоту так, чтобы голова не была видна из-за камней. «Хорош, теперь давайте лыжные палки и четыре плащ-палатки. Он перевернул четыре палки острием вверх и связал кольца так, что после установки палок на уложенные камни, получился ровный квадрат, на который и натянули четыре палатки. В самом верху получилось окно, для выхода дыма от костра. По центру своего вигвама Егоров соорудил из камней место для костра. Туда сложили все найденные в пути горючие материалы. Егоров натянул высоко между палками шнурок и повесил над будущим огнищем котелок. Дальше наносили камней и выполнили ещё одну лёжку для караула, застелив дно оставшейся палаткой. Стемнело мгновенно. Десять человек влезли в палатку и расселись у костра, двое легли в лёжку начиная нести караул первыми. Караул несли с автоматами, оба пулемёта лежали вместе со всем остальным оружием. «Егорыч, что ты нам сегодня приготовишь на ужин перед сном?» спросил у друга Квашинин, развязывая свой вещевой мешок. В нём оказались сухие пайки, которые молодые солдаты сдали старшине роты по прибытию в часть и много чего другого, чего в их пайках не было. Костерок разгорался, давая свет и тепло в только что выстроенном убежище. Старшина разбил наряды на всю длинную ночь в горах. Сергей и Володя пойдут в третью смену. Майор сидел в тесном шалаше, подсвечивал себе фонариком «шмель» и что-то читал в блокноте, ожидая ужина. Егорыч раскрыл всем по банке гречневой каши с мясом и по одной на четверых банке тушёнки, на огне закипал чай, слитый с одной фляги. Зашуршали галетами и все, кроме караула, приступили к еде. «Завтра очень трудный день» начал майор: «Утром подъём, десять минут на сборы и вперёд, нам за день необходимо выйти к той проклятой тропе, чтобы успеть её заминировать на ночь, устроить лагерь и лёжки, устроить боевые места и подготовиться к бою. Так что кушать будем в лучшем случае завтра вечером».

Сергей и Володя объединились с Иваном Куценко и Витей Сушей по очереди брали вкусное тушёное мясо в прикуску с мясной кашей и запивали не большими глотками с одной фляги. Такой вкусотищи парни ещё не ели никогда в своей жизни. «Вторая смена, сменить пост» скомандовал старшина: «Чтобы люди покушали, и всем спать». Сергей уснул сразу, а Володя не мог найти своё место на колючих, горных, острых и холодных камнях, но немного покуртившись и получив взыскание от старшины, уснул.

«Подъём» кто-то толкал в плечо крепко уснувшего от тяжёлого дня, Володю: «Вторая смена, идите менять пару» шепотом командовал старшина стоя на коленках и расталкивая спящих ребят. Сергей и Володя вылезли с набравшего хоть какое-то тепло, строения и окунулись в пронизывающий холод. Сменив пару замёрзших ребят, они улеглись на холодные камни укрывшись пятой плащ-палаткой, хоть как-то спасаясь от пронизавшего всё тело, горного холода. Сергей занял позицию положив автомат перед собой и внимательно стал вглядываться в кромешную темноту. Тишина гор, как и погода, обманчива. Всё меняется каждую минуту и надо быть хорошим следопытом, чтобы отличить угрозу от обычного шума природы. Вот покатила сорвавшийся камешек, потянув за собой ручеёк таких же камней, вот где-то что-то тихо, но протяжно прошипело, возможно также поток сыпучего песка или мелкого камня, вот где-то очень далеко что-то протяжно завывало и тут-же смолкнув отозвалось, с другой стороны. Сергей поглядел на часы. Циферблат светился зелёным фосфорным блеском, показывая время. Секундная стрелка медленно двигалась по кругу. «Второй час ночи, нам до трёх, надо постараться не замёрзнуть. Прижмись ко мне плотнее, будет теплей, только не усни» шёпотом

предложил он другу. Володя теснее прижался, но тепла не наступало, холодом тянуло с самой земли. «Что там Алёна твоя написала?» тихо спросил Володя. «Всё у неё в порядке, любит и ждёт. Учится. Приехали с колхоза и сразу за курсовые сели. Пишет, что времени ни на что не хватает. А негра выгнали за распространение наркотиков. Спрашивает, почему так редко пишу и где служу? Что отвечать просто не знаю» закончил Сергей. «Давай напишем вместе одно и тоже, что находимся в учебке, учат на поваров, пусть не волнуются» предложил Володя. «Ладно, давай вернёмся с задания, а там и напишем. Кстати, а что нам никто не говорит, что мы должны делать конкретно?». «Придёт время, скажут». Неожиданно где-то недалеко сзади, что-то зашуршало и рыкнуло. Оба парня резко оглянулись. В пяти—шести шагах от них страшным зелёным цветом горела пара глаз. Животное часто дышало. «Это же волк» тихо произнёс Сергей, передёргивая затвор автомата и ставя его на одиночную стрельбу. «Ану пошёл, пошёл вон!» громко зашипел в сторону зверя Володя, кидая в него камень. Зверь отошёл чуть назад и лёг на землю, продолжая внимательно наблюдать за опасностью, но ничего не предпринимая. Он явно не боялся, так как видел людей первый раз в жизни и не знал, кто сильнее. Сергей взмок от пота, холод улетучился и появился азарт охотника, ему самому уже не терпелось сразиться с аборигеном и показать, кто здесь сильнее. Володя поднял камень побольше и швырнул. Зверь взвизгнул от прямого попадания и оскалив страшные зубы громко зарычал, явно готовясь напасть. Сергей поднял автомат и направил ствол на волка. Но выстрелить он не успел. Животное как-то странно подскочило вверх и упав на камни забилось в конвульсиях. «Не понял?» сам у себя спросил Сергей. Его тихо кто-то взял за цевьё автомата: «Арсентьев, спокойно, опусти ствол». Голос командира звучал ровно и не громко: «Молодцы, что обнаружили и отогнали волка, он бы много беды смог наделать спящим.» продолжал майор. «Вы его чем, ножом?». «Увы, молодой человек, а то бы Вы весь Афганистан подняли своим выстрелом по боевой тревоге. Твой выстрел слышен отсюда километров на тридцать. Духи тоже слушать умеют, и скажу тебе даже лучше нас с тобой». «Прошу прощения, товарищ майор» тихо извинился Сергей. «Нет, что ты, ты с Володей как раз молодцы. Объявляю вам с другом по благодарности». Он подошёл к убитому животному. «Ого, килограммов под сорок собачка весом была» вытаскивая нож с тела животного и вытирая его об её же шерсть, сказал майор. «Стащите его чуть в сторону и заложите камнями». Сергей с Володей с трудом оттянули труп животного под уступ выпирающей скалы и пол часа закладывали камнями. Когда работа была закончена они вернулись к лёжке. Майор полулежал, вслушиваясь в тишину горной ночи. «Вы бы не укрывались палаткой, а постелили бы её на грунт, так точно не замёрзнете в своих бушлатах» сказал он и пошёл назад в вигвам.

В три ночи их сменили Миша Борзых и Сергей Водопьянов. Рассказав сослуживцам о своём происшествии, друзья спокойно ушли спать теперь уже четыре целых часа до завтрака. Светает в горах поздно и так же быстро, как и темнеет. Пахло чем-то вкусным и домашним. Глаза у согревшегося Сергея никак не хотели открываться. Старшина на сухом горючем уже разогревал котелок с крепким чаем, открывал банки с рисовой кашей на овощах и по банке рыбных консервов. Ели быстро и молча. Сняв палатки и палки, быстро разобрали стены вигвама и разбросали камни, засыпав место ночлега и боевой лёжки караула. «Построиться» дал команду майор: «Десять минут на оправку, всё за собой убрать и выходим. Через назначенное время колонна в той же последовательности начала свой путь в горы, чтобы найти и уничтожитьдвигающийся в направлении нашей границы караван с оружием и наркотиками. Шли бодрым шагом. Чем выше отряд поднимался в горы, тем становилось труднее дышать, а значит и идти, неся на себе без малого до тридцати кг груза каждый. Осеннее солнце уже не согревало и даже не ласкало своими лучами мёрзнувшие тела, а наоборот теперь мешало глядеть против него. Дошли до первого снега. «Всё, теперь будет легче, подъёма больше не будет, за этим перевалом будет ложбина, а за тем тропа наркодиллеров. Но нам не она нужна. Важно теперь проскочить её ни с кем не встретившись. Нам нужна новая их дорога, а это ещё далековато»

остановив отряд на пятиминутный привал, рассказал майор. «Всё, в перед!» дал он следующую команду даже не присев на минуту. Когда идёшь в колонне, постепенно привыкаешь к монотонному движению и следишь только за дыханием, чтобы не сбиться. Плечи ныли от усталости, а идти ещё не понятно сколько. Лёгкий горный морозец бодрил. Иногда под берцы попадал лёд и надо было с уметь сбалансировать, чтобы не упасть самому и не сбить с хода всю колонну. Шли молча, лишь изредка впереди идущие переговаривались парой тройкой фраз глядя на компас и часы. Шли верно. «Внимание!» поднял правую руку Егоров. Колонна присела и огляделась. Двумя пальцами он подозвал к себе майора: «Смотри, командир, присыпанные снежком следы ног. Прошли двое дня два назад не позже. Видно что-то несли тяжёлое так как пятка сильно утоплена» показывая пальцем на следы объяснял Егоров. «Да, ты прав, Егорыч, молодец!» похвалил своего спеца майор. «Смотри в оба, возможна растяжка». «Понял» только и сказал впереди идущий. Движение заметно замедлилось. До очередного перевала прошли без сюрпризов. Перевал мело. Не большой сквозняк создавал движение падающему снегу, но метели ещё не было. «Вот и пришли к ложбинке, там не замерзающий горный ручей с вкусной водой» рассказывал командир: «Пополним запасы и напьемся вдоволь, только аккуратно, вода—лёд». «Ложись!» поднял Егоров руку и сразу же дал отмашку. Отряд лёг. «Двигаться ползком, а пока ждать моей команды» прошипел майор и сам пополз к ушедшему и теперь залёгшему чуть впереди Егорову. «Товарищ майор!» обратился Егоров: «Гляньте, в ложбине постройки. Аул кто-то выстроил за этот год после нашего с Вами визита сюда». Майор долго рассматривал в свой бинокль ложбину. Снега на ней практически не было. Четыре каменных, мазанных глиной строения с не высокими дувалами, больше похожими на заградительные бойницы для ведения огня стояли у подножья горы и одно строение чуть дальше у самого ручья. На траве паслось не большое стадо овец. Большой баран с несколько раз закрученными рогами, стоял, как вкопанный, охраняя свой гарем. Движения в ауле не наблюдалось, но с каждого строения поднимался дымок, указывая на то, что люди там были. Разведка явно затянулась. Лежать на холодной земле уже покрывающуюся снегом было холодно. На конец это понял и майор. Он поднял вверх руку и круговыми движениями дал команду отойти за скальный уступ уже прошедшего группой перевала. Егоров остался на месте. «Квашинин, иди помоги определиться Егорову, только пока никуда не суйтесь». «Есть!» уже уползая к другу ответил старшина. Группа села под скалу и достав плащ-палатки укуталась ими от пронизывающего на сквозь сквозняка. «Хорошо, что ветра ещё нет, то бы вымерзли, как мамонты» неожиданно разговорился Ваня Куценко, но после проницательного взгляда майора, опустил голову и подняв воротник бушлата закрыл глаза, делая вид, что дремлет. «Ото оно лучше, тихо всем!». Егоров с Квашининым приползли где-то через пару часов. «В лагере шесть человек боевиков и старик пастух в отдельном строении. Предлагаю без шума всех зачистить» сказал старшина, глядя и ища поддержки у командира. «Да, ты прав, стрелять здесь ни как нельзя. Мы уже и так сбились с ритма. Через час стемнеет. Егоров, ты пойдёшь с Куценко и Сушей, Квашинин возьми с собой Арсентьева и Головченко, а Борзых с Водопьяновым пойдут со мной. Вещевые мешки и всё лишнее оставить здесь. Идём на легке, приготовить ножи. Оставшимся занять круговую оборону и ни с места без команды. Если нужна будет помощь дам ракету, всем всё понятно?». «Так точно» хором ответили оставшиеся. «Турсунбай Хусаинов!». «Я!». «За старшего и гляди, мой друг, в оба». «Есть!». Квашинин глянул на Хусаинова и заметно улыбнулся словам майора глядеть в оба. «Товарищ майор, так они же у них узкие, то есть глядеть будут только на половину» пошутил он. Турсун тут же показал товарищу кулак. «Всё, шутки потом, пошли ребятушки».

Ползли тремя группами, но не упуская друг друга из виду. Майор то и дело пальцами рук отдавал нужные команды. Квашинину с Сергеем и Володей досталось самое последнее строение, огороженное высоким дувалом. «Товарищ прапорщик, а убивать страшно?» спросил Володя у остановившего движение командира группы. «Я тебя этому учил на занятиях,

помнишь? Так вот, не убьёшь ты, мама твоя никогда не дожждётся своего сына, да и внучат у неё своих также никогда не будет». Володя опустил глаза в снег. «Да не бзди ты, представь, что мы с тобой идём по городу, а блатные на нас напали и хотят меня убить, а нож только у тебя. Вова!!! Помоги мне!!!» прошептал с боку Сергей и пополз в след отдаляющемуся прапорщику. «Да я за друга всех порву!» прошипел Володя и пустился догонять товарищей. Квашинин дал отмашку и трое бойцов в один миг перескочили забор—дувал и ворвались вовнутрь глинобитного строения. Слабо горевшая керосинка плохо освещала пространство внутри помещения. Никого, только какие-то сложенные в штабели мешки чем-то наполненные. «Бегом в другое строение!» скомандовал Квашинин и первым выскочил на двор. Во втором строении бой уже закончился. Егоров с Куценко и Сушей ворвались в помещение с пятью боевиками. Иван, не раздумывая ни секунды ударил одного сидящего духа ножом в глаз пробив мозг. Он умер, так и не поняв, что происходит. Вторым движением Ваня перерезал горло вскочившему аборигену. Его голова, как-то не естественно завалилась назад показав длинный, выпавший в открытый проём горла, язык. Третий дух поднял было руку, но Ванин нож вошёл по самую рукоятку в его левое ухо. Ваня оглянулся. Егоров вытирал свой нож о халат только что убитого им душмана, Суша, воткнувший в своего бандита лезвие ножа, сидел и глядел на хрипящего, умирающего раненного им человека. Иван одним ударом своего ножа в сердце, добил и его. Прибежавшие друзья остались без наград. Всё было закончено. Майор вошёл в окровавленное побоищем помещение подталкивая впереди себя бородатого, чуть сгорбленного, бледного от страха душмана – пленного, а Борзых и Водопьянов под руки ввели грязного, избитого, с засохшей кровяной, трескающейся и гноящейся коркой по всему телу, одетого в порванные бриджи, солдатскую гимнастёрку и тельняшку, босого человека. «Свяжите духа, потом побеседуем. А сейчас Моя группа в полном составе бегом к стоянке, принести всё сюда. Ночуем здесь. Старший Арсентьев». «Егорыч, там в соседнем помещении у боевиков яма, что-то похожее на камеру. С Квашининым все трупы обыскать, найти и подобрать одежду и обувь пленнику, а тела кинуть в эту яму. Потом поставишь там сюрприз. Понял?» «Да, Сан. Саныч.». Двое спецов ушли выполнять приказ. Бивнев повернулся к освобождённому пленнику. Тот полулежал на окровавленном ковре, которым был застелен земляной пол строения. «Ты кто?» прямо спросил майор. «Старший лейтенант 290 авп Кундуз, – Горностай Максим Леонидович 1961 г. р. Родом с Украины с Винницы. В прошлом году совершал вместе со своим командиром МИ8 капитаном Кругловым Сергеем Ивановичем полёт Кундуз—Талукан—Файзабад. Были сбиты с ПЗРК в горах. При посадке командир погиб, а меня раненого взяли в плен и привели сюда. Это я сам, один тут для них строил заборы и помещения. Они там в заднем строении хранят наркотики в мешках, много мешков, тут у них перевалочная база. А вот это животное больше всех издевалось надо мной. Он перебежчик из Саратова.» указал пальцем на сидевшего, связанного душмана, раненый офицер. «Так ты ещё и русский?» не скрывая раздражения спросил майор. Вошли оба спеца принеся с собой кое-какую одежду и обувь. «Одевайся» сказал майор, глядя на старшего лейтенанта. Вернулись все остальные разведчики. Они быстро вынесли окровавленные ковры и бросили их с верху трупов в ту же яму. Помещение топилося только одно, поэтому менять само место не было смысла, здесь можно было на конец отогреться и поесть горячего. «А что старик, он тоже с ними?» спросил у Максима Квашинин. «Нет, он туркмен, он подкармливал и помогал мне в стройке, он хороший, только немой, они ему язык когда-то отрезали, очень давно». «Давай его сюда» приказал Егорову майор. Через несколько минут старик стоял перед группой. Рванный полосатый халат штопанный перештопанный много раз заботливыми руками старика, лохматая борода, не чёсанные, седые, с соломой в голове волосы, грязные штаны, но чисто вымытые для намаза лицо и ладони рук, говорили о происхождении и национальности этого человека. Войдя в помещение, он поклонился в пояс собравшимся, но глянув на пленного душмана, схватил камень с очага и кинул ему в голову, громко замычав при этом. «Вот Вам и доказательства, товарищи» сказал старший лей-

тенант. «Товарищи, я не хотел, меня заставили это делать» заскулил он. «Мы тебе не товарищи, мразь» выпалил Куценко доставая свой нож, ставший для него родным оружием в первом бою. «Можно я его выведу, товарищ майор?». Бивнев промолчал. «Сядь, Ваня, не торопи события» уже ласково обратился к бойцу Егоров. Куценко спрятал финку и сел. «Скажи пастуху, чтобы он нас покормил» попросил лётчика Бивнев. Максим взял старика за рукав и жестами что-то показал. Наклонившись ещё раз старик вышел. «Теперь давай твою исповедь по слушаем, а потом решим, что же дальше с тобой делать?» сказал майор. Егоров подбросил древесного угля в горящий очаг. Я за водой, со мной Борзых и Водопьянов, соберите все фляги». Огонь весело разгорался, принося тёплую волну замёрзшим организмам пришельцев.

4.

Бывший шурави сел на корточки, ставшие ему уже привычными. «Я всё скажу» тихо проговорил предатель. «Я Паникур Сергей Александрович 1962 г.р. Родился в г. Саратове. Семья очень большая, я одиннадцатый ребёнок у своих родителей и последний. Вместе с рожавшей меня мамой, рожала и невестка, жена старшего моего брата. Два брата первые, за ними восемь девок, моих сестёр и нянек, а последний я. Отец работал на заводе, мама в ЖЕКЕ мастером. Нянек было много, как и старших защитников. В школе я учился так себе, мне прощалось всё и всегда. После окончания средней школы я пробовал поступить в военное училище химической защиты, но не прошёл по конкурсу. Отучившись год в ПТУ на сварщика, осенью 1980 года был призван в ряды СА. Попал в учебку артиллерии в знаменитом Украинском Остремаршала Гречко детище. После его окончания не большие курсы в столице Таджикистана г. Душанбе, переучили на пулемётчика, появившегося тогда в войсках «Утёса», (НСВС), 12,7 мм, станковый пулемёт Никитина—Соколова—Волкова с оптикой до 500 метров. Потом перешли речку и в Афган—201мсд в Кундузе. Мы прикрывали авиаполк со стороны Талукана. Точка на перекрёстке трёх дорог. С одной стороны, минное поле, с трёх других горы, пулемёт, боекомплект, личное оружие и рация, которая и принимала-то через раз. Три фляги с водой, я—младший сержант старший и два «деда» со мной. Представьте себе, как я нёс службу 12ть часов через день. День в ночь, вторые сутки в день и так каждодневно без перерыва. Днём ещё как-то они помогали нести службу, всё-таки движение по дорогам, там не поспишь, да и то они умудрялись, а в ночь, нас только привозил БМД на точку и проходила смена караула, сразу устраивались и готовились ко сну, да ещё курили травку перед этим. Оба с Москвы, любили перед сном мечтать о скором дембеле. Лето, жара убивающая, эта белая проклятая пыль с горных дорог забивала все лёгкие, а они выпьют всю положенную воду на троих и лыбятся. На мне было всё и наблюдение за безопасными участками и подходами к точке, и запись движения колон техники и подача сигнала ракетой подлетающим вертушкам. В ту ночь с 13е на 14е июня я полностью обессиленный такой службой уснул ночью на посту. За тем только помню, что вели меня связанного по горной дороге подталкивая прикладом автомата и что-то по-своему кричали. Вели меня одного, что случилось с теми двумя я не знаю, наверное, их просто прирезали, выбрав сержанта пленным. В разговорах, ведших меня духов я не раз слышал название Файзабад. Шли больше суток. В ауле я был посажен в глубокую, до трёх метров глубиной, яму, вернее каменный мешок. Кинули мне соломы и опустили ведро для испражнений. Корили через день, давали лепёшку и кукурузную кашу совершенно пресную и холодную. Воду правда опускали по полному ведру каждое утро. Со мной никто не пытался разговаривать, меня не трогали, я просто сидел один в глубокой яме. Сверху она закрывалась деревянной решёткой. Приносил и поднимал ведро один и тот же старик. Так продолжалось долго, я уже потерял счёт дням и неделям. Первое время я был совершенно точно уверен, что меня сразу же найдут наши поисковые отряды, но потом до меня просто дошло, что легче списать человека на потери, чем что-то заморачивать ради одного солдата. Это и есть правда нашей службы родине советов. Стало холодать. Наступила осень. Один раз ко мне в яму кинули ещё двух наших солдат. Они оба были водителями и так же возили на тот аэродром, который я прикрывал, авиатопливо. Они оба были туркменами и легко общались на языке «духов». Оба парня знакомы были с русским языком и у меня возникла возможность выучить их разговорный язык. Их тоже никто не трогал. Старик бросил им завёрнутый в старую тряпку, без плотной упаковки, но полный—Коран. Парни стали совершать молебные процедуры своему Аллаху. Я начал учить правописание арабского языка и читать Коран. Постепенно я втянулся и уже свободно разговаривал на туркменском языке со своими новыми друзьями, по несчастью. Похолодало. Нам бросили три пуштунки и три старых, уже местами потёртых и дырявых, но ещё вполне сносных, халата. Раз

в неделю давали мясо барана, вернее всё то, что оставалось от мяса. Мы обгладывали кости и были этому рады. Неожиданно решётку отодвинули и опустили нам большую ветку с сучками в место лестницы. На зиму нас разместили в помещении где держали временный скот. Приходили караваны и сюда загоняли ослов, пряча их от непогоды. Но мы были и этому ужасно рады. В щели запертой двери, мы наблюдали просвет улицы и часть двора. Во дворе играли дети, гоняя вместо мяча набитую соломой тряпку, девицы с закрытыми лицами носили кувшинами воду на своих хрупких плечах. Теперь мы уже знали и своего хозяина. Он был воином у одного из полевых командиров. Воевал он по команде. Это могло быть раз в месяц, а то и того меньше, но с каждого похода он привозил своей семье, что-то нужное и не нужное, а самым большим достоинством были пленные, которые автоматически становились его рабами. Его Сыновья подходили к тому возрасту, когда их надо было женить. Чтобы взять в жёны девушку надо было отдать большой калым животными или товаром, но в последнее время широко распространилось отдавать калым рабами. Пять рабов, молодых, не больных стоили целого состояния. У хозяина для женитьбы первого сына не хватало ещё двух рабов и поэтому он исправно воевал и слушался приказам своего полевого командира. И только поэтому пленных не трогали и пока даже не заставляли работать. Это был дорогой товар. Но цены на рабов росли очень быстро и к весне уже с головой хватило только трёх мужчин для уплаты калыма родичам невесты. Начинался сезон и рабочие руки были очень как нужны. По теплу, весной 1982 г. нас продали другому хозяину, моджахеду, боевику в соседний, ещё более горный аул. Пленных рабов здесь было до десяти человек в основном славяне. Моё знание Корана и умение говорить на их языке возымело своё действие. Два туркмена, которые были со мной в плену и учили меня говорить и читать, сразу же перешли в отряд местного кур баши. Практически сразу же им дали в руки автоматы и поставили на охрану подступов к аулу. Меня привели к местному полемому командиру. Он проверил моё знание Корана, ему нужен был свой переводчик в вылазках против шурави, и он поставил передо мной условие. Я принимаю веру ислам, мне делают обрезание и принимают в отряд или я умру на работах в горах, нося руками камни для строительства всего необходимого новым хозяевам. Я согласился, зная, что эти люди два раза не предлагают, и уж точно не шутят. Тогда они дали мне автомат с одним патроном в стволе и приказали пристрелить практически умирающего молодого русского парня, работавшего на подноске камней с гор. Я нажал на спусковой крючок. Парень глядел на меня и по его лицу текла слеза. Он сразу же умер.» При этих словах Ваня Куценко выхватил финку и замахнувшись кинулся на пленного, но старшина одним точным ударом сшиб его с ног и заломив руку за спину, забрал нож. «Куценко!!! Отставить! Ещё успеем.» выдавил из себя майор и повернувшись к предателю предложил: «Говори дальше». Пленный россиянин отпил принесённой воды с кувшина и трусливо посматривая в сторону агрессивно настроенного бойца, продолжил: «С этого дня меня поселили в небольшом помещении вместе с тремя боевиками. Все они были пакистанцы, но по национальности туркмены. Я ходил в сопровождении работ пленных. К лету 1982 года число пленных выросло. В двух, ими же и вырытых ямах уже сидело около тридцати советских солдат, многие из них были ранены. Офицеров держали в другой яме, чтобы они не могли давать команды бойцам. Говорили, что где-то под Кандагаром объединёнными отрядами моджахедов были разбиты и взяты в плен несколько отрядов шурави. Постепенно всех офицеров практически по несколько человек, не большими партиями вывезли куда-то, говорили, что просто их продали или обменяли на своих. О солдатах же никто не тревожился, о них просто не вспоминали. Они тяжело трудились в неволе и были настоящими рабами. Так продолжалось больше трёх лет. Я ходил на нападения больше сорока раз и практически каждый раз мы брали пленных, даже тяжело раненных мы не добивали, а их просто бросали свои, грузя собственные шкуры в подлетевающие вертушки и не обращая внимания на плачи, стоны и просьбы не бросать от своих же товарищей, лежащих ранеными в густой, белой, афганской пыли.» Он снова взял в руки кувшин и уже с ухмылкой, глядя в глаза Куценко, продолжал: «Вот Вы, чем

сейчас отличаетесь от меня? Герои, взяли предателя в плен, да? А Вы знаете, как я жил всё это время? Что я думал все эти годы глядя на то, как тысячи советских командиров предадут своих же солдат на поле боя, прячутся за их спинами или посылают в пекло, а потом ещё и оставляют раненного в беде, спасая свои зады. Сидите, слушаете меня, зубами скрипите, а если бы Вы сами попали в такую ситуацию? А Вы знаете как те пацаны, попавшие в плен по вине своих же офицеров их, там называют? Не приятно меня стало слушать? Вас уже тошнит? Вы готовы отдать меня своему вот этому изувечу, как его Ване?» предатель остановился и взглянул в посуровевшие лица разведчиков. Ваня сидел, опустил глаза. Пленный взглянул на лётчика: «А ты, сука, ведь бросил своего командира. Когда мы Вас сбили в прошлом году, вы упали, и вертушка не взорвалась. Да, посадка была жёсткой, но вас обоих выкинуло с горящей кабины МИ8. Ты приподнялся и несколько раз оглянувшись на протянувшего к тебе руку капитана, побежал, пригибаясь, боясь взрыва. А ведь он просил тебя не бросать, он умолял тебя. Я всё видел в бинокль, это же видел и мой полевой командир Саид джан Хан, он мне потом и сказал, какие же эти русские шакалы, что так запросто бросают своих друзей на смерть. Мы не успели его спасти, просто не добежали. Перед те, как мы подбежали, вертушка занялась ещё больше и рванула. Капитан просто сгорел от разлива топливного бака. Если бы ты не струсил, он и сейчас был бы жив.» он снова сделал несколько глотков воды: «Ты тут меня проклинаешь, а кто подарил тебе жизнь? Ты стоял передо мной на коленях, прося, чтобы я уговорил командира оставить тебя здесь на этом плато, что ты можешь самостоятельно построить аул, нужный духам, как перевалочная база. Забыл?». «Не правда!!! Не правда, не слушайте его, это всё не правда!» орал старший лейтенант, выпучив от испуга свои глаза, ставший похож на лягушку перед свадебным обрядом. «Не верьте ему, товарищи!». «Проверим, всё проверим, не переживай» успокоил его майор. Отряд сидел молча. Уже никто ничего не понимал. Всё смешалось в одну большую, грязную кучу.

Сбитая с кривых, не струганных досок дверь помещения открылась. На пороге стоял дед—пастух. Он пригнувшись вошёл, оглядел всех пронзительным взглядом, остановился на Квашинине и помахал ему рукой предлагая пройти следом за ним. Старшина мельком глянул на майора и получив отмашку в знак согласия, встал «Суша, Водопьянов, за мной!»скомандовал он. Старик медленно шёл в направлении своего жилья. Разведчики быстро его догнали. Старик вошёл в низкий проход завешенный толстой дерюгой. В помещении было тепло. На костре вкусно пах готовый к приему пищи крупный агнёнок, на подносе лежало с десяток ещё горячих лавашей—лепёшек. «Спасибо» глядя в глаза старику и делая поклон в его сторону, сказал Квашинин и забрав всё съестное отправились в своё помещение.

Это был настоящий пир. Жареная овечка со свежими лепёшками и пронзительно чистая и холодная вода, которой можно было здесь выпить сколько хочешь. Ели все. Лётчик не отставал от остальных. Старшина предложил мясо пленному русскому, но тот отказался и неожиданно спросил: «Скажите, а простой гречневой каши у Вас случайно не найдётся баночки, пожалуйста». Старшина развязал свой сидор и достал железную банку гречки с мясом протянул пленнику: «На, небось соскучился за нашей пищей?». «Лучше бы Вам не знать. Спасибо тебе, старшина». Выставив посты и связав пленного все легли спать в хорошо протопленном помещении.

Сергей с Володей несли службу опять в третью смену. Сегодня было проще. Проход на плато был со стороны противоположных гор только один и пост старшина соорудил в пустом, не топленном помещении, но это уже что-то, нет ужасного сквозняка и пронизывающей горной влажности в холодном воздухе. Разобрав чуть окно побольше, ребята всматривались в сплошную темноту. Луны на небе в эту пору ночью не бывает. «Ну, что ты думаешь о пленных?» спросил друга Володя. «Я бы обоих в расход и забыл, как их только и звали» промычал не довольный Сергей. «Этот хоть солдат, да попал по дедовщине, а ведь его взводный прекрасно понимал, что нельзя так учить молодых ставя его вместе с дембелями в смену. Я ему верю. А

этот гад, как и тот взводный, они же офицеры и на них возложена жизнь каждого солдата. Ты видел, когда пленный дух начал рассказывать о крушении вертушки, как вёл себя этот летун? Да правду он говорил, правду...». Сергей аж потёр руки от прихлынувшей ненависти. «Завтра, от силы после завтра и у нас с тобой будет наш первый, настоящий бой. Помнишь, как в детстве мы играли, спина к спине и никого не бойся». «Помню, конечно помню, Володя» тихо ответил Арсентьев. Снова наступила продолжительная тишина. Где-то в горах что-то завывало и трещало, а здесь, на этом не большом ровном плато было тихо, только где-то там сзади журчала себе не замерзающая речушка, дающая живительную влагу всему живому совершенно безвозмездно, то есть даром. Через два часа их сменили, и друзья ещё успели немного поспать в тёплом помещении. Утром старик принёс ведро горячего свежесваренного, правда зелёного чая снова с десятком лепёшек. Он пальцем показал на майора и позвал его с собой. Бивнев, легко оторвавшись от земли, вышел следом за заботливым пастухом. Старшина раздал всем по банке рисовой каши с овощами, разломил лепёшки. Вошёл майор. «Старик спросил разрешения забрать себе всё оружие духов, которое так и стояло в соседнем здании» сказал майор: «Я не отказал старику. Нам оно не надо, лишний груз, а тащить его назад через границу, дураков нет, проще в расщелину его бросить, или отдать». Он взял свою банку с кашей и с аппетитом стал есть, доставая с банки всё новые и новые порции холодного риса. Поев, он набрал себе в кружку с ведёрка горячего напитка, бросил туда кусочек колотого сахара, умело отколотого до этого старшиной роты с одного большого куска, потянул на себя с кружки кипятков и только после всего этого сказал: «Я принял решение всё здесь заминировать. Под каждый из мешков в складе вложить мину—бабочку. Взяв верхний мешок духи подорвут весь склад вместе с собой. Поставить растяжки у остальных строений кроме жилья старика. Оно находится на безопасном от взрыва расстоянии и не должно сильно пострадать. Это первое. Второе—я принял решение оставить наших двух пленников здесь вместе с дедом. Помирятся, заберём с собой на обратном пути, постреляют один одного, Бог им судья. Оружие у старика. Если вдруг кто и нагрянет в наше отсутствие им есть с чем продержаться, или погибнуть как воины. Кто против?». Все сидели молча, лишь один Куценко то доставал свою остро наточенную финку, то снова прятал её в ножны. «Хорошо, все За» поставил точку майор. «Квашинин, через час выходим, всё заминировать и подчистить». «Есть, товарищ майор!» чётко ответил старшина и сразу же все поняли, что шутки остались в прошлом, сегодня в бой. Группа бойцов вынесла все мешки с «Георгием Ивановичем», как геройин нежно называл Егоров, с помещения. Их оказалось ровно двадцать по 10 кг каждый. 200 кг этого наркотика стоили многого и жизней в первую очередь. Егоров опытным движением клал мину и ровно по её центру ложился мешок с отравой. Мина тут же включалась. Теперь, приподняв мешок она подскочит на пол метра и прозвучит взрыв. Разрядить её невозможно. Так поступали с каждым из мешков. Через десять минут двадцать мин были приведены в режим готовности к взрыву. Поставив растяжку у дверей помещения, Егоров плотно её закрыл и подпёр палочкой. Заминировав всю стоянку, группа вышла в свой последний переход к новой дороге, которую успел проложить всемогущий наркотрафик. «Нам ещё пилить по горам больше десяти км» оглянувшись на провожающих отряд и стоявших рядом бывшего лётчика и бывшего солдата, сказал командир: «А эти двое или помирятся и сплотятся, или убьют один одного и тогда будем ждать засады на обратном пути».

Шли молча и быстро. Майор всё время торопил, понимая, что группа уже выбилась из намеченного им графика. На высоте более 2х км начался мокрый мелкий ледяной дождь. «Только тебя нам не хватало» подумал про себя майор, но темпа не сбросил. Идти становилось всё труднее. Берцы скользили, то и дело заставляя солдат балансировать на узкой тропе, чуть заметной людскому глазу. После очередного перевала, пошёл мелкий снег. Появился не хороший ветерок, верный признак надвигающегося ненастья. «Ребятки мои, ещё пару км и будем на месте!» заглядывая в карту проговорил командир: «...потерпите немного...». Никто и не ныл, все понимали важность этого момента. Плечи у Володи отвалились от груза, руки затекли,

а спина болела больше не от проносимого веса, а от постоянного страха и напряжения не свалиться на скользких участках тропы. Серёга шёл, как будто на прогулке со своей Алёнкой. Всю дорогу, чтобы не думать о плохом, он разговаривал мысленно с ней и находил даже в этом общении удовольствие, которое не могли заметить другие. Он рассказывал своей красавице интересные, им же и выдуманные истории и сам же над ними подсмеивался. Витя Суша читал всю дорогу стихи, не громко так читал, но слышали все. Командир не стал его останавливать, понимал, что это обычная реакция организма уйти от надвигающегося страха неизвестности. «Всё, кажись мы на месте. Квашинин и Егорыч, ко мне!». «Всем отдыхать!». Группа тяжело присела на холодные камни. Трое спецов уединились. Отползая к самому краю последнего перевала, они стали рассматривать территорию на месте. Прошло больше часа. Мокрые от перехода рубашки остыли и теперь холодком прилипли к спинам ребят. На конец тройка руководителей вернулась. «Разбиваем лагерь здесь у этой скалы. Всё делаем так же, как и на предыдущей стоянке, огораживаем метровым дувалом место и ставим палатки, чтобы можно было развести костёр. Пришли в самый раз. Снег и им помешал, нижний перевал, который отсюда как на ладони, они пройти не могли, там ещё не тронутый снежок лежит и поворот в сторону чистый. Сегодня тебе Квашинин с Иваном Куценко заминировать тот дальний, нависший над нижней тропой уступ скалы, чтобы в нужный момент её рвануть и закрыть перевал. Всё, Егорыч, ты руководишь постройкой места сегодняшней стоянки и охраны». Он вновь взял бинокль, одну плащ-палатку и отправился назад, чтобы набить детали на карте, пока ещё не началась пурга и было достаточно видно. Работа закипела. Теперь каждый уже знал, что и как ему делать при строительстве. Квашинин и Куценко, взяв всё самое необходимое для минирования, отправились выполнять данную им майором боевую задачу, главную задачу их трёх дневного перехода по чужой территории. Спускаться было достаточно трудно, под ногами скользило и идти приходилось в постоянном напряжении мышц ног. Потом, на маленьком плато, перед подъёмом, Квашинин взял свой бинокль и стал рассматривать скальный уступ, который, по идее майора, должен был прекратить на какое-то время всё движение на перевале, завалив его единственный проход. Прапорщик, как всегда удивился зоркому глазу своего командира. Место под закладку боезаряда определили быстро. Вдвоём с Иваном они разобрали каменный навал под скалой и заложили туда принесённый заряд. Укрепив взрыватель и подключив к нему батарею и антенну, заложили место разобранными до этого камнями бывшего обрушения. Квашинин поднял вверх руку и поглядел в бинокль в сторону майора. Тот так же поднял свою руку, указывая, что всё правильно и можно возвращаться. «Сними с себя бушлат и мети им наши следы позади себя. Идти старайся след в след» приказал Ивану прапорщик. Куценко снял с себя бушлат, повесил автомат за спину и взяв одежду за два рукава стал замечать натоптанные ими следы. Мелкий снежок помогал Ивану, заноса чуть заметные на земле, но всё же следы. Подниматься было ещё сложнее. Мелкий ледяной дождик сделал своё дело хорошо, обледенив все подходы и отходы с перевала. К их приходу дувал уже стоял, палки привязаны к плащ-палаткам и подняты вверх. Группа в полном составе собралась в сооружённом только что помещении. Пришедший Квашинин развязал вещевой мешок и достал из него кипу наколотых дров. «Ты где это взял?» удивился Егоров. «Места надо знать» улыбнулся довольный собой старшина: «...мне старик принёс сам целую охапку, я все не смог забрать даже» ответил Квашинин. «Готовь тогда ужин, старшина, думаю до утра они не появятся, ночью по такой склизоте не пойдут. А мы тем временем отдохнём, просохнем, согреемся и перекусим» скомандовал майор. «Разбей смены снова по парно и всем кушать и отдыхать». «Есть!» ответил Квашинин. Огонь разгорелся быстро, наполним тесную палатку своим теплом и уютом. Старшина раздал по банке риса с овощами и по одной банке тушёнки на двоих, галеты и сахар. Чай уже кипел на костре в двух котелках. Сидор старшины заметно по скудел. Ели молча. «Витя, а что ты там нам всю дорогу читал?» спросил солдата Бивнев. «Есенина, Твардовского, Маяковского и успел немного Блока» ответил Витя, намазывая на сухую галету толстый слой тушёного говяжьего

мяса. «Любишь стихи?» спросил его Водопьянов, «Нет, я люблю поэзию, а не банальное название—стихи, как ты ещё не сказал стишка» обиделся на товарища Суша. «Ну прости нас не образованных» отрезал Сергей. Володе и Сергею это раз досталась вторая смена. Мелкий снег шёл всю ночь, напрочь засыпав какие-то либо следы. Как ни странно, все спали плохо. Сергей, после смены, намёрзшись с Володей в наряде, не могли ни как согреться возле не погашенного маленького костерка и нескольких камней, нагреваемых от его горения и затем отдающих своё тепло. Наступавшая дремота приносила Сергею картинки оскалившегося волка, как будто бы спрашивающего у убивших его людей: «За чем же Вы это со мной сделали, я ведь был сытым и не хотел на Вас нападать?». Сергей просыпался и вновь погружался в дремоту, глядеть опять один и тот же цветной сон. Володя тоже спал плохо. С ним рядом спал, вернее ворочался и иногда храпел Водопьянов, от чего ему приходилось будить храпуна, чтобы он дал поспать всем остальным. Но одно хорошо, было немного тепло и уютно. Сергей отрубился под утро, как будто бы провалился куда-то глубоко. Его кто-то сильно тряс за плечо: «Подъём, утро, вставай Серый!» тряс его лучший друг. Все проснулись. «Десять минут на opravку и убрать халабуду с виду. Всем быть готовым занять позиции.» жёстким приказным тоном сказал майор. Отряд построился у скалы. «Разбиваю всех на четыре тройки—первый старший—Куценко, Борзых, Водопьянов—Ваня твой левый фланг, занимаешь позицию и ни одного выстрела до взрыва скалы, понял?». «Так точно». «И ещё, может быть так, что первыми пойдёт их разведка, ты её не трогай, а пропусти и не засветись. Всё, выдвинулись!». Вторая группа —правый фланг, Хусаинов со своими орлами. Турсунбай, смотри внимательно, на тебе и только на тебе основная операция. Как только прогремит взрыв, рухнет скала и отрежет половину группы, ты в бой не вступаешь, молчишь до последнего и наблюдаешь за мной, по боевикам ударит Куценко и только потом в центре Арсентьев, Головченко и Суша, которые и возьмут на себя всю силу удара боевиков. Как только бой завяжется и наши будут прижаты, только тогда ударишь ты. Берёшь один пулемёт. Всё иди и внимательно следи за моими командами руками». Центр—Сергей, ты со своими в самом пекле. Первым начинаешь и не заканчиваешь, пока мы все не встрянем не перебьём боевиков. И пулемёт я тебе тоже не дам. Он останется с Егоровым, то есть в моей опытной тройке спецов. Так надо. Удачи Вам, ребята». «И моя, четвёртая тройка. Егорыч, ты за пулемёт и рацию настрой сразу на нашу волну, но, чтобы тебя не запеленговали. Займи пока позицию в нашей ночной стоянке, там стенки настроили и высокие, и толстые. Ты, Квашинин, со своей любимицей СВДшкой займи позицию вон там за малым уступчиком выпирающей сюда скалы. До центра ложбины, где караван будет делать поворот в право на тропу к Ване Куценко от тебя метров 600—700 не больше, то есть для тебя любимая дистанция. Я тебя прошу, как заметишь нашего с тобой знакомого прапорщика—кур баши, бей его в ногу, я всё же хочу его тварину живым домой приволокти. Как ты?». «Как и Вы». «Вот и ладушки, всё и то же следи за мной. Да, если будешь стрелять, так, чтобы тебя не вычислили сразу. Смотри в трубу, у них возможно будет миномёт, его обслугу сразу сними». «Понял, командир» и протянул майору руку. Майор пожал и резко оттолкнул старшину в сторону. «Не нагнетай, не надо, или все, или никто». «Лучше уж мы их» уходя ответил Квашинин. Майор занял позицию в ночном схроне вместе с Егоровым.

Ваня привёл свою тройку на указанное майором место. Действительно, от того места где тропа делает поворот в его сторону, он прикрыт выступом другой скалы и надо пройти по тропе метров с пятьдесят, чтобы можно было его заметить. Борзых и Водопьянов стали носить камни и перекачивать не большие валуны, чтобы смастерить себе, что-то подобное бойницы. Очень быстро три огневые точки, полностью закрытые с трёх сторон, были навалены. Ваня остался доволен. Теперь даже с самой тропы их трудно было различить из-за камней. Они улеглись на развёрнутую плащ-палатку и стали ждать своего первого боя. «Ваня, тебе не страшно?» спросил у Куценко Борзых. «Страшно конечно, но хочется в бой» ответил Ваня.

Арсентьев со своей тройкой занял природную позицию в ста—ста пятидесяти метрах от поворота тропы вправо на позицию Куценко и сразу же определил места возможного отхода с неё на другую, чуть дальше, но в конце овражка, где естественным способом природа приготовила длинный, каменный окоп. Володю трясло, он не находил себе места то ли от холода, то ли от неизвестности. Страх сковал его лицо, и оно было белым, как у покойника. Суша что-то тихо сам себе говорил. Сергей прислушался. Парень читал про себя «Отче наш». Сергей не стал им ничего говорить. Он понимал, что в этой ситуации ни какие слова будут не уместны. «Мы победим».

Ждать пришлось не очень долго. В начале, со стороны заминированной скалы, слышались какие-то не понятные звуки. Потом стало ясно, это кричали нагруженные ослы, которые не хотели идти по скользкой, горной тропе, да ещё вверх. Майор поднял руку и покрутил её по кругу, не отрываясь от бинокля. «Приготовиться, всем внимание!». На тропу вышли три осла гружённых мешками и шесть человек по двое к каждому животному. Одни тянули вредных иноходцев, а вторые подталкивали их сзади. Майор показал знаком пропустить их вправо. Группа на какое-то время стала. Погонщики собрались вместе и оглядели присыпанный первым снегом холм и поворот вверх. Их автоматы были навьючены вместе с мешками и какими-то коробами на животных. Они даже и не пытались их снять. Постояв несколько минут, они вновь схватились за упирающихся животных и погнали их вправо на тропу, мимо Вани. Майор показал ему знаком— «Не трогать и пропустить». Но нужно же быть Ваней, который сразу же, ставший хоть маленьким, но командиром, выполнит приказ правильно. Ваня тут же перевёл сигнал «Убрать, только тихо, без стрельбы». Поравнявшись с залёгшими разведчиками ничего не подозревающие духи не успели даже крикнуть, не то чтобы стрелять. Ваня не бежал, он летал вокруг животных и разил своей финкой ополоумевших от страха и внезапности, душманов. Меньше секунды боя и шесть трупов были отправлены в расщелину. Разрезав ремни и освободив животных Борзых и Водопьянов отогнали их вверх на тропу. Оставшиеся без груза и пастухов, животные, громко ИАкая прошли себе вверх на желанную свободу. «Братва, это же «стингер», мы срубили настоящий ПЗРК, во майор будет рад, и два ящика с зарядами к нему. Однако Миша Борзых успокоил радость Вани. Им достался всего лишь наш РПГ 22 новый, уже не РПГ 18, но не ПЗРК. Сложив все мешки и оружие духов в не глубокой ямке сзади своей позиции, герои стали готовить гранату к работе. На длинном борту трубы для «дураков» было написано на русском языке правило зарядки и стрельбы. «Так, ты Мишанька, самый умный, вот и готовься, по моей команде будешь стрелять» скомандовал назначенный командир. У Вани уже был готовым свой, дополнительный план к плану майора. Бивнев не мог физически всего этого видеть. Он был твёрдо уверен, что группа разведки прошла и теперь надо было ждать основную группу каравана с боевым охранением и самое главное с её полевым командиром бывшим пограничником Оразом Госаевым.

В начале 1980 года тогда ещё старший лейтенант Александр Бивнев, получил первое задание собрать, обучить и отработать новое подразделение разведчиков—диверсантов. Он мотался по погран заставам, выискивая себе кадры. Пять человек нашёл достаточно быстро, а вот ещё одного, да со знанием туркменского и узбекского никак не мог найти. И вот на горной заставе в\ч 2022 Нульванд, ГБАО Памир он встретил маленького росточка туркмена Ораза Госаева. До нужного роста ему не хватало несколько сантиметров, но он смог уговорить в начале военкома, а потом и комиссию взять его на службу и не куда ни будь, а в погранвойска. Бивневу парнёк первогодок понравился. Собрав всю группу, они стали заниматься по своей программе в отведённом и засекреченном месте близ Афганской границы. Парень «рос» на глазах. Егоров и Квашинин, Галиев и Госаев, Саблюк и Самсоненко – первая его группа будущих спецов. Ораз лучше всех усвоил минное дело, был лучшим в метании ножа, а в выносливости движения по горам ему завидовал даже сам старший лейтенант Бивнев. Первое задание в Афгане они провели летом 1980 года в провинции Кандагар им пришлось уничтожить

полевого командира и зачистить весь его аул. Тогда только Бивнев не на шутку испугался слепому желанию убивать всех подряд, стариков, женщин и детей в том числе этим мальчиком. Хотя это и входило в секретное задание, но остальные члены отряда, да и сам «Бивень» просто делали вид, что не заметили прячущегося ребёнка или женщину, а Ораз выискивал и резал. В глазах у него стояли искры безумия. Работали в одежде моджахедов. Ему она шла, как влитая. В 1983 году он получил ранение в ногу. Его не списали, а перевели на его же заставу старшиной заставы присвоив в знак благодарности звание прапорщик погран войск. Вот здесь –то и проявились его главные качества—жадность к наживе и ненависть ко всему законному, славянскому—только Ислам. До прихода на заставу нового командира, да ещё грузина, он отрицательно влиял на весь коллектив и на бесхарактерного, не известно, как и кем назначенного на должность начальника заставы, туркмена и своего земляка капитана Косейного. При его участии открывалась граница и боевики свободно проводили караваны в глубь нашей территории. Это стало системой. Перед увольнением старого командира, он разорвал свой контракт и исчез. Потом он, зная весь свой участок границы, напал на посты и убил несколько человек. Уйдя в Афганистан стал полевым командиром по прозвищу «Аслан бен шах». Много горя он принёс. Вначале 1987 года Бивневу поставили задачу уничтожить своего бывшего ученика. Операция провалилась, группа вышла с двумя ранеными спецами Саблюком и Самсоновым. Вот теперь, почти через год упорного труда и подготовки, он снова на задании, уничтожить караван и его полевого командира.

Основная группа каравана появилась так же неожиданно, как и первая группа разведки. Бивнев наблюдал в свой бинокль первые шаги на плато. Впереди шли несколько пеших боевиков с автоматами. Шли, как звери, оглядываясь и вслушиваясь в каждый не понятный шум. «Опытные духи» подумал майор. За ними пошёл караван. Ослы шли не все навьюченные, а некоторые тянули за собой не большие арбы с огромными деревянными колёсами, гружённые белыми мешками. Просто навьюченных животных толкали, как и первый раз и тянули по два человека. Идти по такому скользкому покрытию животные отказывались. Ослы с тачками заполнили весь проход. Спускаясь в низ на плато, они останавливались на какое-то время для того, чтобы им помогли развернуть свои огромные колёса в сторону верхней тропы, но движения пока не начинали. «Вижу Ораза» прошипел подползший к майору Егоров, «И я его давно вижу» прошептал майор. «Рацию настроил?». «Да и пулемёт тоже в порядке». Тем временем на плато колонна с грузом заканчивала движение и показался основной вооружённый отряд. Они шли по два человека в шеренгу плотными рядами. Бородатые, вооружённые, все в бронежилетах, с чувством своего превосходства в этих святых горах. «Приготовиться!». «Взрыв!» командовал Егорову майор, но голоса своего уже не услышал. Скала затряслась, мощный взрыв без малого 30 кг тротила потряс горный камень. Столб дыма и огня поднялся на сотни метров, с соседней скалы за местом взрыва, прямо на то место, где всё ещё шла колонна бандитов, сошла лавина, может конечно это и громко, но огромная ледяная шапка прямо на глазах накрыла ту сторону перевала. Громко кричали животные, не желающие двигаться в любых направлениях. И тут произошло то, чего Бивнев не ожидал. С правого фланга Вани Куценко началась прицельная стрельба по скопившемуся на плато стаду и толпе с гранатомёта. Это было что-то. «Огонь!!!» кричал замороженный «арт» подготовкой майор. Ударили пулемёты и автоматы. Под чёткий перекрёстный огонь попали все скопившиеся на не большом плато, боевики. Они все были, как на ладони. А с Ваниной стороны всё стрелял и стрелял РПГ. Квашинин не дал развернуть миномёт. Он всё же выследил в прицел двух «духов», сумевших снять с животного и уже установить 76 мм машинку смерти. Но он их снял с первых выстрелов, а потом попал и в открытый ящик с самими минами. Под взрывами падали убитыми животные и люди. Кто смог взять свой автомат и начать отстреливаться, попадал под прицел Квашинина и ложился тут же. А Ваня всё бил и бил. Внезапно всё стихло. Боевики подняли на автомате белую тряпку. «Мне нужен Ваш полевой командир» на чистом туркменском языке прокричал Бивнев. «А Вы все

сложите оружие и постройтесь у расщелины, даю слово, все уйдёте». Через некоторое время прячась за не спокойными животными вышел сам Ораз Госаев с перевязанной рукой, в бронежилете, поверх халата и пуштунке. «Капитан Бивнев, это ты?» прокричал маленький человек. «Да, Ораз-гулы это я только правда уже майор. Иди сам сюда и всё будет хорошо. Помощи тебе ждать теперь неоткуда, сам понимаешь. Если твои воины не погибли при взрыве, то погибли при лавине, а остальные на взорванный перевал сами не пойдут, а в обход ходу дня три, не меньше. Всё, предлагаю сдаться». «Хорошо, мы все сдаёмся. Командуй». «Не вставая с земли, зная подлый характер своего недавнего товарища, Бивнев прокричал: «Всем, снять жилеты и карманы с магазинами, оружие и ножи и всё сложить в одну кучу. Сами строимся в две шеренги у расщелины. Повторять больше не буду. Пошли». По-туркменски и узбекски его учил говорить всё тот же Ораз. После не большого движения в центре, первый боевик вышел, разделся, бросил с себя всё оружие и стал у обрыва лицом к центру. За ним потянулись и остальные. Через пол часа вся колонна бывших боевиков наркодиллеров стояла в два ряда. «Всем сесть и снять головные уборы» дал команду майор. Колонна села и оголила бритые головы. «Ораз, а ты иди сюда». Маленький, бородатый, с обритой головой человек в дорогом халате и хромоных сапогах отделился от общей массы и придерживая раненную руку, пошёл к засаде разведчиков. «Егоров, свяжи его пожалуйста по-дружбе» сказал майор, поднимаясь с земли. «А... Егорыч, и ты тут, мой бывший дружок!». Егоров умело связал руки полевого командира в двух местах в запястьях и локтях. «Что боишься?». Егоров зло взглянул на маломерка и промолчал. «Все ко мне!» показал майор знак рукой. «Квашинин, два пулемёта и три автомата, иди и отпусти всех боевиков я ведь обещал». «Понял, командир». Зачистка была короткой. Два РПК и три «калаша» быстро устранили не доделанное в бою дело. Банда уничтожена, командир в плену, можно возвращаться.

Подшли разведчики с тройки Купенко. «Ванюшка, иди я тебя по целую» улыбнулся майор, обнимая Ивана и его товарищей. «По возвращению домой всем по два наряда вне очереди, а Ванюше после нарядов ещё три дня «губы»». Он снова погрозил Ивану своим указательным пальцем. «Квашинин, заминировать каждый мешок, сложить все и эту кучу вместе с их оружием и вещами сжечь на костре. Животных всех отпустить на волю.». «Есть, товарищ майор!». И вновь закипела работа. Мину клали на землю, по её центру мешок с «героином» и так всю кучу. Штабеля мешков с наркотиками обложили деревянными колёсами и перегородками с тачек и подожгли. «Уходим!» скомандовал майор и группа по одному стала на обратный свой путь домой. Ораз ещё раз оглянулся на огромное огнище уже начавшее по одному взрываться: «Егорыч, ты только что сжёг двадцать лямов баксов». Колонна поднялась уже ближе к левому перевалу, когда ещё раз на плато прозвучал двойной взрыв, уничтожив всё зло в языках своего пламени.

Дорога назад была не из лёгких. Прошедший на кануне ледяной дождь сделал своё грязное дело. Берцы то и дело скользили на замёрзших камнях, напоминая мозгу о огромной опасности свалиться в обрыв, который от их не широкой тропы находился на расстоянии всего пяти метров с наклоном в его сторону. «Всем в сцепку, первые двое и последние двое взяли в руки по одной лыжной палке» скомандовал майор. Сергей, до этого уверенно шедший с двумя палками, отдал одну идущему замыкающим Егорову. Шли очень медленно. В эту сторону они прошли повремени уже всё расстояние, когда командир сказал: «Ещё один переход и плато с нашими новыми знакомыми. Егорыч, как думаешь, ждут они или, приготовили нам сюрприз?». Егоров промолчал, думая о скользком участке. Труднее всего было пленному Госаеву. Он сейчас шёл вторым, привязанный к Квашинину за связанные впереди руки и не мог хорошо балансировать на сплошном льду. Майор шёл третьим за спиной бывшего своего ученика и подчинённого. На вопрос командира ответил Ваня Купенко: «Надо было их там положить вместе со всеми в яму и не вспоминать никогда». «Ваня, я смотрю тебе нравится твоя сегодняшняя профессия разведчика?» спросил у солдата Бивнев. «Да, не скрываю этого, мне она очень нравится. Я чувствую

себя как на войне, как мой дед воевал. Он у меня всю войну прошёл, в Праге получил свою последнюю седьмую медаль» гордо ответил Иван. «Скажи, Куценко, а тебе не жаль тех «духов», которых ты убил одним только ударом твоего ножа?» снова спросил командир, слегка подталкивая остановившегося Ораза в спину: «А ты двигай давай, а то Ивану тебя отдам» сказал майор. «Хм... А Вам было бы меня жаль, если бы они меня сегодня убили в том бою?» вопросом на вопрос ответил Куценко. Майор промолчал, он вдруг вспомнил свой недавний поход на зачистку горного кишлака, там они перебили порядка ста человек без разбора. Да, он выполнил чётко поставленную ему командованием задачу, переодевшись в одежду горцев, ни произнося ни слова на русском, уничтожить всех родичей одного полевого командира движения «Талибан», не оставляя при этом свидетелей в селении. «Ладно, поговорим потом, подходим. Всем привал. Квашинин и Арсентьев в разведку» уже совершенно другим голосом и тоном приказал майор. Пара быстро ушла выполнять его команду. «Что? Хм... Майор, ты и сюда влезть уже успел? Ха... Это база для перевалки одного большого человека. У него людей чуть более, чем у меня, он не простит. Под ним практически весь этот район провинции находится. Он жестокий воин» с ухмылкой спросил у майора Ораз. «Кто таков?». «Я не буду даже произносить его имени, мне самому уже страшно за тебя» ответил Госаев. «Ладно, как ни будь переживём, и мы» ответил майор, выглядывая возвращающихся разведчиков. «Что там?» спросил он тихим голосом подошедших парней. «Товарищ майор» начал Квашинин: «На плато всего два строения, одно осталось на месте бывшего лагеря и строение старика. Не видно никого. Стадо овец пасётся и вместе с ними с десятков ослов. Думаю, что бой уже был, так как на месте заминированного нами склада мешков с наркотой, сейчас воронка и разбросанные в разные стороны камни с забора и стен». «Ладно, пошли, Бог не выдаст, свинья не съест». Колонна медленно вышла на плато. «Приготовиться к бою!» скомандовал майор, всем развязаться и раз сосредоточиться. Пулемёты к бою». Но стрелять не пришлось. На встречу с поднятой вверх рукой и зажатой в ней пуштункой, шёл махая в разные стороны, старик. «Не стрелять!». Майор поднялся с земли и пошёл на встречу пастуху. Они сошлись. Старик, не имеющий языка, только громко мычал и показывал на своё строение. За тем он помахал туда рукой и с него вышли трое. Все они были вооружены, но автоматы были за спиной, и они держали руки вверх. «Командир, так это же двое наших пленных и один не известный юноша с ними» глядя в свой снайперский прицел СВД, сказал Квашинин. Майор махнул им рукой, приказывая всем подойти. «Здравия желаю, товарищ майор, мы Вас ждали только завтра и очень боялись, что «духи» вернутся» доложил подошедший старлей летун. «Что тут произошло, говори». «Вчера рано утром, мы ещё все спали, когда пришёл караван забирать мешки с товаром. Боевиков было всего четверо. Они должны были просто его забрать и гнать куда-то к готовящемуся двигаться в сторону СССР большому каравану. Все боевики погибли как-то сразу во время этих трёх взрывов на складе. Один был ранен, но мы его сами добились. Погибло и двое простых погонщиков. Вот этот парень внук старика, он не воюет. Полевой командир Саид асан Бек Держит все их аулы в подчинении и страхе и заставляет платить дань или отрабатывать. Вот им и приходится наниматься к нему же погонщиками. Трупы они бросили в яму и забросали её камнями, заровняв место. Один из четверых погонщиков, который остался в живых, забрал своих четырёх ослов и ушёл назад домой. Ходу туда по таким горам больше суток. Четвёртый паренёк вызвался провести своих четырёх ишачков до нашей границы и помочь нам. Дорогу он знает, не раз ходил уже туда. Его дед, пастух, туркмен, когда-то жил в СССР и женившись на его бабке, остался. Но пока мог говорить, хорошо вспоминал и отзывался о Союзе. После того, как он поспорил с главным басмачом, его не убили, а в назидание всем остальным лишили языка. Так, что парень готов нам помогать» доложил летун. «Хорошо, Квашинин, ночуем здесь, выходим как расцветёт, берём с собой парня и четверых его животных. Приготовь все тяжёлое и не удобное, чтобы их навьючить до границы» приказал майор: «Накормишь личный состав и организуй пожалуйста караул». «Есть» ответил старшина роты. Егорыч, радио на заставу: «После завтра приедем

домой, приготовь баню ближе к закату» и передай. «Ага, сейчас сделаем» как-то не по форме, будто бы услужливый официант в кабаке, ответил Егоров и тут же пропал с глаз не понявшего его командира. «Ладно, приедем в часть я тебе устрою Ага» подумал, улыбаясь в усы, Бивнев.

Выпросив у старика казан, старшина высыпал в него всё, что осталось. Рисовая каша с овощами, гречневая с мясом и остатки из трёх банок тушёнки, получился практически полный казан. Старшина не стал жалеть «Пусть наедятся вдоволь, завтра потерпим на чае и галетах один день, да ещё сгущёнки есть три банки». В оставшемся не взорванном домике, опытный глаз майора заметил недавний ремонт. «Вы что его по-новому сложили?». «Да, его немного разрушило Вашей растяжкой, но я же сам его клал, вот и отремонтировал с помощью юноши и нашего Саратовского пленника» ответил старлей. «Спасибо!» майору действительно понравилась эта забота молодого офицера о личном составе, освободившем его с плена. Старик принёс десяток горячих лепёшек, но ужинать на отрез отказался. Они с внуком, услышав запах свинины в котле, о чём-то между собой переговорили и вышли с жилища. «Всё, казан теперь просто выбросят» сказал пригревшийся и отведавший бывшей солдатской стряпни, бывший прапорщик. Все переглянулись и поняли его намёк. «Пусть он нас за это простит» ответил Егоров, насыпая себе с казана очередную порцию из двух каш с мясом. Старик принёс своё ведро полное холодной, чистой воды, и на вопрос, можно ли сварить в нем чай, лишь мотнул утвердительно своей бритой, давно седой головой уважаемого старца. Егоров вскипятил воду и вылил туда всю сгущёнку сразу, за тем добавил чай и заварил. Такого какао присутствующие здесь разведчики не пили давно.

Третья смена. Сергея и Володю, пригревшихся и сытых с трудом растолкал старшина. «Идите меняйте, возьмите ещё палатку, там снова дождь моросит, укроетесь». После тёплого помещения сразу пробил озноб. Сменив Сушу и Водопьянова, друзья улеглись на расстеленную палатку и накрылись второй. «Ночь, глаз выколи, да ещё капает. Надо смотреть в оба» прошептал Сергей. «Ты что, думаешь и в правду кто-то может по таким горам да ночью сюда явиться?» взволнованно спросил Володя. «Не знаю, думаю, что да».

«Ты заметил, как Куценко расправляется с «духами»?» тихо спросил Володя у друга. «Да, все заметили и майор тоже, ему убийства видно понравились». «Ну ведь это же не совсем нормально, когда лишать жизни другого человека входит в норму и даже нравится, неужели и мы с тобой станем такими?». «Не станем, молчи, смотри в оба.» и товарищи стали внимательно вглядываться в кромешную темноту ночи в горах. Памир жил и дышал своей жизнью. После смены оба ещё успели вздремнуть у тёплого очага. К утру дождь прекратился, подул ветерок и снег, несколько дней лежавший на тропе, стал прямо на глазах таять. Погрузив на четырёх животных всё, кроме оружия и усадив на первого раненого пленника, колонна в прежней последовательности вышла в обратную дорогу. Старик провожал внука ласковым поглаживанием не стриженной юношеской головы. Он надел на парня свою пуштунку и помахал всей рукой на прощанье. Старшина в своём вещевом мешке уносил данные стариком им в дорогу простые, скромные, но горячие лепёшки. Дорога пошла веселей. Идти на легке, да ещё с палкой в руках было приятно. Серёга думал о том, что, когда они вернуться, что же он напишет в письмах своей девушке и маме. Сказать правду? Нельзя, они будут волноваться, придётся обманывать во имя любви. Майор спросил у юноши: «Ты, что много раз здесь ходил?». «Да, шурави, много, дорогу знаю очень хорошо». «А что проносили в караванах?». «В основном наркотики, но были и радиоприборы, магнитофоны, оружие, а один раз полные мешки долларов на трёх ослах». Так много денег, кому же их несли и отдали?». «Да нет, шурави, это были плохие, не настоящие деньги, но хорошо выглядели. А отдали их там, у Вас на кордоне, какому-то русскому офицеру, а он вернул нам захваченный ранее обоз с героином». «А как выглядел тот офицер, старый или молодой?». «Да рыжий, большой такой и с палочкой в руке, как будто бы раненый» рассказывал разговорчивый проводник, не видя никакого подвоха. До места первой стоянки пришли ещё засветло. Оставалось километров пятнадцать – восемнадцать не больше,

но переход был назначен только на завтра и во второй половине дня. «Строим убежище, останавливаемся на ночь здесь же» скомандовал Бивнев. Быстро соорудив своё помещение, старшина слил с нескольких фляг воду и поставил на огонь кипятить для кофе. Последнее, что он ещё не доставал были брикеты кофе с молоком и сахаром, да лепёшки, которыми старик так щедро награждал своих новых знакомых. Юноша распряг животных, стреножил каждое и поставил под скалой, привязав одной верёвкой всех к большому валуну. Ослики сразу же сели на колени и уткнулись своими мокрыми носами в спину один одному. «Что-то учуяли мои животные, лишь бы не волк, порежет просто так и уйдёт» сказал парень майору оглядываясь по сторонам. «Учуяли они верно, но зверь не придёт, мы его прошлый раз убили и вон под тем валуном закидали камнями. Так что не переживай за своих помощников» хлопая парня по мокрой спине, рассказал майор. Парень расстелил не большой платок, снял обувь и став на колени стал молиться. Ораз сидел молча и только глядел на истинного мусульманина. Ночь наступила как всегда в горах, мгновенно. Как будто бы огромная, чёрная птица пронеслась над горами, закрывая свет своими могучими крыльями. В сооружённой палатке было уже тепло и блики от горевшего огня давали хоть и слабый, но свет. Старшина поделил на всех хлеб и развёл в воде концентрат кофе. «Всем спать, вторая смена сменить первую, чтобы люди могли покушать» скомандовал майор. Сергей с Володей вновь в своей третьей смене.

Ночь, как же томительно долго длится эта последняя ночь в чужой, враждебной, а с другой стороны такой приветливой и доброжелательной, стране Афганистан. «Уже сегодня будем дома» мечтательно прошептал Володя, думая обо всём сразу, только не о службе. «Прекрати, мы можем погибнуть ещё, гляди и слушай горы, они сегодня не совсем спокойны». Володя затих, прислушиваясь к шумам в горах, но ни чего существенного не услышав, вновь потянулся и прошептал: «Эх... Сейчас бы маминых пирожков с рисом и яйцом с зелёным луком, да под домашний томатный сок...». «Если не замолчишь, врежу» грубо прошипел Сергей. Это возымело действие и положенные два часа караула пролетели в сплошной тишине.

«Всем подъём, десять минут на opravку и сбор палатки» привычно приказал майор, глядя с подсветкой своего фонарика в карту с планшета. Через положенное время колонна двинулась в путь на преодоление последнего участка пути. Юноша шёл первым с навьюченными всем, что осталось, животными. «Шурави, шурави» обратился он к майору и заговорил на только им троим с Оразом и майором, языке: «Ты мне денег платить не будешь за работу, я и не прошу, но подари тогда автомат, тот, что несёт пленный с ямы.». «Добро, придём на место он твой» пообещал командир. «Ты не обманешь?». «Слово офицера». Юноша улыбнулся и оглянувшись поглядел на идущего через одного бывшего пленного лётчика, нёсшего на плече подобранный после боя автомат АКМ и карманы с магазинами. «Что и в правду отдашь, Сан. Саныч?» спросил у майора Егоров. «Лишнюю бумагу писать не хочу. Будут спрашивать где взял, при каких обстоятельствах и так далее, штабные крысы, так, что лучше выкинуть или вот вроде нашему «духу» подарить. Нету тела, нету дела, говорит пословица» ответил майор. Чем ниже спускался отряд, тем становилось теплее. В полдень подошли к точке невозврата. До нашей границы ровно 3 км. Бивнев поднял руку вверх, и вся колонна стала, он покрутил два раза ладошкой в воздухе и показал два пальца, значит двадцать минут перекур. Отряд уселся на голые камни. «Всё, бача джан, распрягай своё стадо, забирай мой подарок и большое тебе спасибо, дорогой!» майор пожал плечо юноше и вручил ему автомат предварительно разрядив магазин и высыпав все патроны ему в подставленный карман. Юноша поклонился в пояс в знак благодарности, связал одной верёвкой всех животных, поставив первой ослицу за ней трёх осликов, сам взял животное под узду и уверенно зашагал назад, неся на плече толи подарок, толи награду, толи расплату за свой не лёгкий труд. Все провожали взглядом его пока он не скрылся за уступом выпирающей скальной породы. «Всё, пошли» сказал командир. Привыкшие уже идти на легкой разведчики, взвалив на себя все остатки, а это практически не израсходованный боезапас, пошли значительно медленнее. Стал вредничать и пленный прапорщик,

на конец-то понявший, что его там ожидает, но получив чёткое предупреждение от Сергея, по просьбе майора, понял, что с ним никто здесь уже играть не будет и пошёл, низко опустив свою голову. Из-за этого он стал ещё ниже ростом.

Сержант Николай Буренков ждал уже несколько часов. Группу на той стороне он заметил сразу, а до этого понял, что кто-то идёт по пробежавшей, испуганной косуле, которая подскочила с той стороны к самому кордону, по стояла, дёргая своими длинными ушами, и пустилась наутёк, долой в сторону родных гор. Николай поднял вверх фуражку и несколько раз ею взмахнул. Отряд стал как вкопанный, дальше идти нельзя, мины, только след в след. Коля снял участок с охраны, позвонив по секретному телефону на пульт заставы, раздвинул вилками оба заграждения и освободил проход. За тем поднялся к группе. «Здорово, братцы, ого... какую Вы зверушку поймали, мы уже и не надеялись Вас здесь и увидеть, товарищ прапорщик» выдал он, как пулемёт скороговоркой свою цитату. «Я не пойду» неожиданно закричал связанный ублюдок и попытался бросится на мины. Одним ударом сапога по поганой, загоревшей роже, Сергей решил и этот спорный вопрос. «Ого. Научишь.» глянул на него Николай, взвалил себе на плечи податливое тело и скомандовал: «След в след!» первым пошёл по тропе через границу. Отряд отдыхал на не большой полянке, пока проводник приводил в порядок границу. Ораз пришёл в себя «Я тебе это запомню!» прошипел он, глядя на Сергея. «Ой! Гляди, гляди с меня потекло! Фу!!! Не может быть!!! Воды!» издевался над ним Володя. «И тебя тоже запомню». «Да расстреляют тебя и все твои помнилки улетят» грубо оборвал смех Егоров. До дороги дошли без приключений. Там уже стоял знакомый Газ 66, который быстро доставил группу на заставу. Умывшись и сдав Дауташвили всё лишнее, включая трофейный гранатомёт, единственно чему был не сказано рад начальник заставы, Группа ожидала своей вертушки, хорошо пообедав и теперь перечитывая возвращённые письма на том же приятно пахнущем сеновале. В начале прилетела вертушка за Оразом и пленными солдатом и летуном, следом за ней «Миша 8» взял двенадцать разведчиков на свой огромный борт.

Курган—Тюбе встречал не большим дождём. Ромул Галиев услужливо открыл задний борт и помогал товарищам влезть в родной кузов дорогого, домашнего Газ 66. Весело урчал исправный мотор, как будто бы и он радовался успешному возвращению группы с трудного задания. Все в вповалку спали. Дремал в кабине на своём месте и майор. «Ну, как молодые, товарищ майор?» спросил Ромул, заглядывая командиру в глаза. «Наши ребята все, а один копия нашего Самсоненко, если ещё не по хлеще будет.» «Что, даже и автомата ему давать не надо?». «Ты, Ромул, как всегда прав, дорогой, не надо, он влюблён в свой нож. Поглядел бы, что он с ним вытворяет. Буду его учить с завтрашнего дня работать с сапёрной лопаткой, думаю потянет». Машина подъехала к открытым воротам учебного центра. Две огромные собаки, как и положено, сидели на своих местах и ждали только команды, хотя уже учуяли своих и тихо повизгивали. Саблюк подал знак и животные растворились в темноте. «С приездом, товарищ майор!» привычно сказал вышедший из темноты на свет постовой. «Спасибо Саблюк» так же привычно ответил командир...

5.

Ночь в своей кровати! Чудо!

«Рота, подъём!» крикнул дневальный в гулкий коридор помещения и сон растаял, так и не успев закончиться. «Выходи строиться на утреннюю зарядку!» снова не приятным голосом вопил всё тот же нудный Вагин. Квашинин, в спортивном костюме фирмы «АДИДАС», в таких же точно фирменных «красах» стоял на бетонированной дорожке с секундомером в руках. Все построились. «Ничего я не могу понять» начал прапорщик: «Всего одну неделю пропустили физо и такой странный подъём!». Он поставил стрелку секундомера в начальное положение: «Внимание! Рота... 45 секунд! Отбой!». Вчера ещё приветливый старшина Квашинин бежал следом за рассыпавшимся строем и поджопниками ускорил их движение назад в расположение. «Внимание, рота! 45 секунд... Подъём!». Полетели на быльце кроватей брошенные с силой одеяла с вторыми простынями и солдаты, одеваясь и толкаясь выбегали и становились в строй. «Ну вот, а то я смотрю, моя это рота или я погулять просто вышел» сказал Квашинин. «Внимание! За мной, бегом марш!» и рванул к открытому шлагбауму части. Две собаки, заботливо пригитовленные Саблюком, уже ожидали желанную пробежку со строем этих не понятных им людей. Самая огромная, чисто чёрная немецкая овчарка, оскалив зубы, рычала, показывая всем своё настроение. Строй пробежал мимо ожидавших животных и они, получив свой условный сигнал от кинолога, бросились вслед, но сохраняя установленную кем-то, дистанцию. Старшина не просто бежал, он легко переставлял свои спортивные ноги и просто летел по-новому, понятному только ему одному, маршруту. Сергей бежал тяжело. Уставшие после похода по сложным горам, ноги ещё гудели и требовали хоть какого-то отдыха, но армия есть армия и он бежал. Володя, как ни странно, бежал лучше друга и уже оказался практически вторым или третьим после бегущим первым, старшины. Собаки гнали отстающих. Они не кусали, они легко хватали за брюки и своим весом толкали вперёд. Новая дорога для пробежек оказалась длинной в 10 км. Подбегая к открытым воротам и поднятому шлагбауму части, старшина остановился и стал контролировать финиш каждого. После этого, построив запыхавшихся, уставших бойцов он ласково объявил: «Ладно, сегодня считать время не станем. Командир наш рано утром отбыл из части на доклад руководству, будет завтра. Он приказал сделать Вам выходной! Но, на сколько я помню, в процессе нашей с Вами командировки было объявлено несколько взысканий. Штрафники! Выйти из строя!». Куценко, Борзых и Водопьянов опустив головы вышли из строя. «Что? Как нарушать приказы, так Вы все горазды, а отвечать, так молчите в тряпочку. Я Вам устрою. Карнавальную ночь. Я Вам припомню Ваш неожиданный салют! Вы у меня на век запомните, что командира надо внимательно и очень внимательно выслушать, а потом очень чётко выполнить. У Вас, как я помню по два нарядика? А у Ванюшки ещё и три дня «губоньки мамочки?». «Так точно, товарищ прапорщик» хором ответили залётчики. «Вот, Куценко, тебе двое суток на то, чтобы подружиться с нашим Самсоненко, кстати тоже Ванюша, будут теперь два Ивана подниматься очень рано. Думаю, он поставит тебе сам задачу. Сразу после завтрака поступаешь к нему в подчинение.» «Есть, товарищ прапорщик». «Самсоненко, ты всё слышал?». «Да слышал я, слышал, сейчас озадачу тезку» не совсем по уставу ответил второй Иван. «Разговорчики мне в строю!» прикрикнул, но не зло Квашинин. «Водопьянов – кухня, Егорыч, всё понял?». Егоров лишь махнул курчавой головой. «Борзых, ну а ты по фамилии пойдёшь к Саблюку на хоз. работы. Там их не початый край.» «Есть, товарищ старшина» чётко ответил Миша. «Вот и молодец». «Всем остальным после завтрака командир разрешил до обеда самоподготовка, а после обеда можно лечь и до ужина отбиться». Он сделал шаг в сторону. «Приготовиться к завтраку, рота бегом марш в расположение» и медленно потрусил следом за убегающими подчинёнными.

Выходной! В армии у солдата их не может быть, он постоянно на боевом посту, это просто продолжение ночи в дневное время, когда можно лечь и никого не боясь, уснуть. Сергей и Володя по обедав грамотно приготовленным борщом и макаронами по-флотски, лежали на своих местах и старались уснуть. «Знаешь, а ведь если бы Куцик не начал палить осколочными, то нам бы тяжело пришлось. А так нет ни одного раненного даже. Ему надо спасибо сказать, а он сейчас вон с тяткой полет от сорняков траву по части. Ты как хочешь, а я пойду ему помогу.» Одеваясь заявил Сергей. Поднялось всё отделение и распределившись по двое пошли помогать тройке наказанных товарищей. Квашинин позвал Егорова и показывая в окно как вместе с Куценко работает Арсентьев, спросил: «Что, Егорыч и к тебе помощь пришла?». «Да, пришёл Суша и стал мыть полы в место Водопьянова, а тот домывал посуду». «Так, значит и к Саблюку помощь прибыла, помогать Борзых вызвался Головченко». «Ну, наверное, так» согласился Егоров и добавил: «Знаешь, Саша, а мне кажется нормальные они ребята с этого не понятного никому Великого Донбасса». Старшина только покачал головой: «Бог один их знает и понимает этих шахтёров».

Утро началось как обычно, только Квашинин не стал сегодня буреть и вышел на пробежку, как все по форме «2». Отдохнувшие ноги сегодня бежали быстрее, и Сергей даже чуть не догнал своего товарища, бежавшего третьим. Собаки, как и всегда, с удовольствием гнались за бегунами и исчезали, как только приближались к воротам гарнизона. Бивнев пришёл на занятия по рукопашному бою и принёс с собой обычную, совершенно новую сапёрную лопатку. «Сегодня я Вас начну учить приёмам рукопашного боя с простым инструментом, который и оружием-то назвать нельзя, но в умелых руках это не просто самое грозное оружие, это атомная бомба рукопашного боя. Хорошо натренированный солдат владея ножом может легко справиться с двумя, от силы с тремя бойцами противника одновременно, а при владении боем с лопаткой, число нападавших уже значения не имеет, если только у противника в руках не будет сабли». Занятия продолжались практически до самого обеда. Бивнев сразу же заметил, что Куценко проявляет способности и к этому виду умения нападать. На не большом перекуре он отвёл Ивана в сторону, усадил на скамейку и сев рядом не громко спросил: «Куценко, скажи мне, тебе, что и в правду так нравится видеть, что ты сильнее и можешь, не стреляя расправиться с врагом, даже если его больше?». «Да» недолго думая ответил Иван, «Я просто чувствую в себе эту силу победителя, знаю не понятно, чем, что верх будет моим. Вы понимаете меня, товарищ майор?». «Больше чем ты даже думаешь, я видел твой азарт в бою. А ещё ты сумел уговорить, то есть передать свою уверенность двоим другим солдатам, которые отлично выполнили твою команду, но не исполнили моего приказа и за это наказаны вместе с тобой». «Но ведь Вы же просто не могли этого знать, сколько там будет в разведке «духов» людей. Если бы их там было больше 10ти я бы возможно и не полез, тогда они смогли бы напасть на нас сзади и перебили бы всех» рассудил Ваня. «Ладно, Ваня, победителей не судят, тебе и твоим ребятам благодарность от командования. Я всё рассказал и описал бой, и они пришли к мнению, что ты поступил в тот момент правильно, только сильно не загордись. Наказание я своё отменяю» он пожал крепко Ивану руку.

Во второй половине дня возобновили занятия по боевому каратэ. Теперь уже и сам Бивнев стоял со всеми вместе в строю, а Сергей показывал следующее, новое упражнение, которое теперь они все будут вытаскивать до блеска. Занятия по минному делу и стрельбы теперь проходили только перед ужином. Не заметно прошёл ещё один месяц. Перед самым Новым 1988 годом из госпиталя в часть приехал после ранения командир второй группы Фархад Тумаев, только уже капитан. Вся его группа подхватила своего командира, за тем они встали в один большой круг, положили руки друг другу на плечи, опустили головы и начали танцевать танец, похожий на гуцульский, но какой-то свой, особенный. Они шли по кругу, и время от времени все приседали и казалось со стороны, что в центре этого круга звучит какая-то своя, только ими прослушиваемая, музыка. Когда они распрямились, все лица у них были мокрыми

от слёз. Танец оказался самими ими выдуманный—ритуальный. Тумаев крепко обнялся с Бивневым, Квашиным и Егоровым и очень многих молодых удивил его странный вопрос к майору: «Саныч, а где мой ангел Иван Самсоненко?». «Чуть позже будет, не переживай, он тебя сильно ждал и выглядывал» ответил майор. «Откуда пополнение?» спросил он. «Да, понимаешь, Фархад, это уже и не пополнение, мы уже на первом боевом с ними отметились здесь не далеко, за речкой, а хлопцы все с Донбасса» с улыбкой гордости ответил Бивнев и продолжал: «Твоего корешка на руках принесли». «Да ладно, что и в правду живым припёрли прапорщика?». «Угу...». «Да... Много я пропустил». «Ничего, нагонишь, я и твоих троих парней брал с собой, ведь у меня одни перваки». «Хм... Выставишься, а пока яставляюсь. Сегодня на ужин угощу всех домашним вином, мне мама привезла перед выпиской» добродушно хлопая по спине майора, предложил капитан. «Фархад!» – все повернулись в сторону кричавшего. Самсоненко стоял у входа в казарму: «Салам, Фархад!». «Салам, бача!». Они обнялись и по хлопывая друг друга по-спинам так и стояли какое-то время. Сергей, наблюдая за всеми этими сценами, думал: «А ведь это то самое боевое братство и есть. Ни звания, ни погоны, не имеют в нём большого значения». В канун Нового года вся группа капитана Фархада Тумаева в полном составе ушла «за речку» на очередное, только им одним известное, задание.

Дни летели за днями, недели за неделями, учёба не прекращалась ни на день. Приближалась весна. Это просто чудо света в Таджикистане. Ранняя весна пришла мгновенно. Как по команде зазеленело всё вокруг, обилие разноцветных цветов, запахов, мошкары, бабочек и птиц. Короткое, но красивое время года, за тем вновь огромное солнце и выжженная земля, горячий песок и раскалённые скалы гор Великого Памира. Бивнева неожиданно вызвало к себе командование в Душанбе. Его не было трое суток, в место командира учёбой занимался старшина роты. Как-то на перекуре Сергей спросил Квашина: «Товарищ прапорщик, помните Вы обещали рассказать нам про Егорова, почему Вы и командир называете его про себя Егорыч?». «Ну в трёх словах здесь не расскажешь» начал увиливать Квашин, но настойчивые просьбы ребят его убедили. «Вам лишь бы не заниматься, вот прогону Вас завтра 30 км по перекрёстной местности, да с собачками, будете знать» присаживаясь в круг начал говорить старшина. «Сёмка Егоров в набор наш не попал, мы его с командиром просто не отобрали сразу. Вся та команда спецов, которых Вы теперь знаете, с Воронежа и его области родом. Нам надо было всего четыре человека, мы и выбрали—Ромула Галиева (как он не русский там оказался лишь Аллах их знает), Ваню Самсоненко, Володю Саблюка и Володю Вагина. Ну значит повели их на склады одевать, а Семён прицепился к командиру, возьми меня в погранцы и всё тут, не отходит. Командир его начал отшивать, но что ты гражданскому лицу-то сделаешь, он ещё присяги не принимал. «Побьёшь один этих четверых возьму» чтобы оторваться от назойливого юноши сказал командир. Егоров даже не думая полез в драку на четверых сам, да так их колошматил, что нам пришлось вписаться, и к тому же подоспел патруль, который уже разыскивал сбежавшего будущего воина. Бивнев попал в не приятное положение своим обещанием. «Ну, что, давайте я и патрулю сейчас навешаю» горячился Егоров удерживаемый за руки четырьмя новобранцами. «Ладно... Бог с тобой... Пошли назад оформлять документы, потом оденем» дал команду Бивнев и сам первый пошёл к штабу сборного пункта гор военкомата Воронежа. Так он попал к нам. Как там командир уладил лишнюю единицу я не знаю, но мы его взяли, как тогда говорили «купили покупатели». Гоша оказался самым работоспособным из всей пятёрки учеником. По образованию повар—кондитер, он успевал и заниматься, а вечером в своё свободное время помогать нашему тогдашнему повару – туркмену, с которым даже командир имел натянутые отношения. А этот жук наладил с ним все дела. Вот этот туркмен и называл его Егорыч в место Егоров, так оно и закрепилось у нас.» закончил свой рассказ прапорщик: «Всё, на занятия по боевым искусствам, Арсентьев, начинай» дал команду Квашин и сам встал в строй.

Командирский Газ 66 управляемый Ромулом Галиевым въехал в открытые ворота и остановился у шлагбаума. Собаки смирно сидели с высунутыми алыми языками и ожидали команды кинолога. «Здравия желаю товарищ майор!» привычно сказал Саблюк и отдал честь. «Здравствуй Володя!» как-то не по форме поздоровался майор: «Что у нас?». «Без нарушений!» и подняв руку подал знак животным уйти с дороги. Собаки исчезли мгновенно. «Хорошо, это всё хорошо» как-то задумчиво ответил командир и пошёл в расположение. Его встречал весь отряд. «Так, давайте в столовую на ужин и там не расходитесь, есть разговор». После ужина вся группа в полном составе сидела за сдвинутыми столами и ожидала прихода своего командира. «Ну вот, товарищи, завтра и мы выходим. Я получил приказ перейти «речку». Нас доставят в воинскую часть, но видеть никто не будет, место уже подготовлено. У нас задача прежняя уничтожить полевого командира, активизировавшего свои действия в одной из провинций сопредельного государства. Пойдут все, кроме Ромула и Саблюка с их ранами, они и останутся в вдвоём на охране учебного центра или до нашего прихода или группы Фархада Тумаева. Сейчас спокойно всё подготовим, чтобы ночью без суеты погрузиться в наш Газик и вперёд». Он внимательно оглядел каждого из группы. «Больные есть?». Все промолчали. «Вот и отлично, значит всем в ружейку всё получить, сдать все документы и награды, а за тем отдыхать, Квашинин пошли со мной». Все встали и пошли выполнять приказ. «Ну вот и наше время пришло» выпалил Ваня Куценко: «Дождались, надо хоть письмо Натахе успеть написать». «Точно, и нам надо написать, а то, когда ещё будет такая возможность» сказал Сергей Володе. Сергей писал своей невесте ласковое, полное любви и нежности, солдатское письмо. В конце он приписал, что их направляют в не большую командировку и поэтому возможно немного задержит свой ответ, чтобы она не волновалась, с ним ничего не может случиться никогда. Написав аналогичное письмо и родителям, он заклеил языком привычно солдатские, без марки, бесплатные конверты, подписал домашний адрес и отдал Ромулу. То же сделали и все остальные, даже спецы. После отбоя не спалось. Все ожидали привычного слова «Подъём!», но сон всё же сморил, и Сергей увидел красивый, цветной сон, будто бы они с Алёнкой держат друг дружку за руки и парят, спускаясь на огромном, розовом, воздушном шаре с высокой, самой крутой горы Памира и вдруг она вырывается и летит всё быстрее и быстрее, а через мгновение вообще исчезает с виду в самом глубоком ущелье гор. Сергей кричит и старается догнать свою любовь, но неожиданно его кто-то сильно трясёт за плечо: «Всё, вставай, подъём, Серёга, просыпайся, ты чёрт тяжеленный». Володя стоял над другом и не мог его разбудить. Сергей вскакивает и трясая головой старается прогнать свой сон: «Куда ночь, туда и сон» повторяет он когда-то давно услышанную от бабушки, фразу. Все уже бегут на выход. Через несколько минут вся группа в полном составе уже сидела в кузове своего Газика и Ромул, привычным движением закрывал задний борт. «С Богом!» сказал Бивнев и запрыгнул в кабину на своё место. Машина, привычно тихо шурша налаженным, устойчиво работающим мотором, выехала из ворот, ставшей уже родным домом учебки, и взяла курс в неизвестность. Ехали не так долго по пересечённой местности. Луны не было видно, небо было плотно затянуто облаками. Впереди показался городок Пяндж. Ромул свернул с накатанной дороги и повёл своё сокровище в объезд. Ещё через какое-то время машина тихо остановилась у не крутого берега пограничной реки с одноимённым названием с городком—Пяндж. «К машине!» дал чёткую команду уже выскочивший из кабины, майор: «Разобрались в колонну по двое». Сергей стал вместе с Володей плечом к плечу. Бивнев достал из кармана своей тёплой куртки фонарик и подал несколько условных сигналов в направлении реки. Одновременно с его сигналом на реке заработал мощный двигатель и прожектор осветил стоящий автомобиль с будущим десантом. Бронированный десантный катер легко упёрся в прибрежный выступ, послышалось шуршание металла о глинистый берег. «На борт по парно марш!» скомандовал майор после установки деревянного трапа одним из матросов. «Удачи Вам, товарищ майор, храни Вас всех Аллах!» почти прошептал закрывающий борт машины Ромул. «Спасибо, Ромик, и тебе всего,

давай назад!». «Мы Вас ждём, командир!» помахал он шапкой, только этого жеста уже никто из команды не заметил. Мощный мотор заработал и катер пошёл по только ему известному фарватеру вправо от оставшейся на берегу машины. «Саньч! Здорово бродяга! Снова я тебя катаю на лодочке с ветерком!». «Привет, Борисович! Я уж думал, что после того случая ты больше и не захочешь со мной говорить.» Капитан—лейтенант—командир десантного катера и майор крепко пожали руки и обнялись. «Что... Снова за речку? И когда ты уже успокоишься и как все нормальные на танке въедешь в этот долбаный Афганистан?». «Да, наверное, на танке никогда, с тобой удобнее и надёжнее». «Ладно, идти до места долго, пошли в каюту—компанию поглядим на карту». Товарищи открыли бронированную дверь с не большим иллюминатором и скрылись за ней. «Нашего майора все знают» прошептал Куценко не понятно к кому обращаясь. Все стояли и молча держались за поручни, намертво приваренные к броне.

Шли достаточно долго. Уже где-то далеко на востоке стали появляться блики будущего рассвета, когда дверь вновь открылась и два командира вышли с темного прохода чрева корабля на борт. «Подходим!» объявил капитан—лейтенант. «Потушить бортовые огни!». Через секунду стало совершенно темно и не уютно. Катер по-прежнему шёл, не снижая оборотов двигателя. «Машина, самый малый!». «Стоп машина!». Наступила тишина, только не большая волна нежно плескалась о борт судна. «Следить за сигналами с берега!» дал команду майор. «Вижу сигнал» тут же отозвался вахтенный матрос. «Самый малый на сигнал» и катер привычно пошёл к противоположному берегу пограничной реки. Отмель не дала подойти в плотную к берегу. «Покинуть судно!» дал команду майор и первые прыгнули по колено в холодную воду. «Спасибо тебе, Борисович!». «Увидимся, майор!» обняв в ответ сказал моряк: «Удачи тебе, разведка». Катер, освободившись от десанта, не громко заурчал и не включая бортовых огней так же тихо отошёл от чужого берега и взял курс на свою базу. «Прощайте, морячки!» прошептал Куценко...

Три БМД-1 усердно ожидали свой новый десант на самом берегу. «Распредели ребят по машинам» тихо приказал Квашинину майор. «Есть» так же тихо ответил старшина и стал называть фамилии: «Самсоненко старший, Вагин, Водопьянов и Суша – первый борт. Его-ров старший, Куценко, Борзых и Головченко –второй борт, Арсентьев с нами в третьем, всем по местам, занять оборону!» приказал Квашинин спеша и подталкивая Сергея в узкий проход между двумя раскрытыми настежь задними дверцами машины. Заурчали мощные моторы бронированных коробок и лязгая узкими гусеницами машины довольно ретиво устремились в неизвестность. Светало... Пока шли по «зелёнке» машины не снижали оборотов и довольно быстро преодолевали расстояния, в горах всё изменилось. Узкая, белая от пыли дорога, с одной стороны практически отвесная скала с другой стороны не хороший, сыпучий накат, граничащий с не большим пока обрывом. Одна колея с встречающимися «стаканами» для пропуска встречного автотранспорта. Рассматривая новую для себя местность, Сергей заметил в окошко бойницы то там, то тут брошенную, разбитую и сожжённую до тла, военную технику. Встречались не только автомобили, но и танки, БТРы, но в основном это грузовая техника и бензовозы. «Что? Рассматриваешь сгоревшую технику? Она уже здесь по несколько лет никому не нужная валяется. Духи здесь и сейчас могут напасть» рассказал удивлённому Сергею Квашинин. Через какое-то время догнали колонну и пристроились ей в хвост. Колонна неожиданно для себя получила дополнительную, надёжную охрану. Кроме своих трёх БТРов ещё три БМД-1 с их 73 мм гладкоствольными орудиями 2А28 «Гром», спаренными пулемётами калибра 7,62мм и ПТРК 9М14М с тремя боекомплектами составляли не просто реальную угрозу любым нападениям со стороны. «Обогнать не получится, будем идти вместе до самого Кундуза» объявил механик водитель майору, на что Бивнев лишь махнул рукой. Несколько часов в сопровождении колонны показались вечностью. Солдаты конвоя сидели на броне сняв с головы надоевшие стальные шлемы и разглядывали горы, немного расслабившись. Неожиданно башенка среднего БТРа повернулась в сторону скал и заработал крупнокалиберный пулемёт, ведя при-

цельный огонь по неожиданно обнаруженной опытным глазом наблюдателя, цели за отвесной скалой. Колонна стала и заработал пулемёт головной машины сопровождения БРДМа. Три БМД-1 развернув свои башни в сторону огня открыли стрельбу со своих пушек. Вся скала покрылась линией разрывов снарядов, не давая возможности «духам» высунуть голову, чтобы открыть ответный огонь. Отряд сопровождения с ДШБ знал свою работу. В сторону разрывов потянулось, прижимаясь к земле с десятков солдат с автоматами для зачистки обстрелянной точки и фотографирования участка боестолкновения. По радиии приказали прекратить огонь и наступила тишина, только там, на скале трещали автоматы. Ещё через несколько минут всё стихло. К дороге спустили двоих раненых «духов» в пуштунках и лёгких пакистанских бронжилетах. Пленники не сопротивлялись. Их бороды были в крови от выбитых в момент задержания, зубов. Связав их и закинув на борт Газ 66го, солдаты влезли на свои места на броне, и колонна начала своё движение дальше. По радиии начальник колонны поблагодарил экипажи за помощь. У Сергея он внимательного наблюдения за боем в бойницу машины глазки так сузились от напряжения и летящей пыли, что он стал похож на азиата. «Командир, глянь, наш Арсентьев с хохла превратился в бурята» посмеялся старшина. Майор глянул в сторону вытирающего глаза Сергея и не громко заметил: «Так тому и быть, позывной у него будет «Бурят»». Сергей промолчал, ну раз так сказал сам командир, спорить не стоило. Ещё через три часа колонна подошла к населённому пункту своего назначения городу Кундуз. Только здесь БМДшки обогнали по разминированной обочине транспорт под приветливые взмахи солдат сопровождения не брони и въехали в часть 201 МСД не останавливаясь на КПП. «Первая часть пути нами выполнена» сказал командир, вылезая с машины: «Давай строй всех и отпустите транспорт» дал он указание старшине.

Разведчики, после многочасового пробега без привычки в брюхе бронированной машины, после постоянного лязга хоть и узких, но гусениц, выстроились покачиваясь в две шеренги с интересом разглядывая обстановку вокруг себя. Да и рассматривать особо было нечего. БМДшки, громко урча перегретыми от дальней дороги, моторами, ушли за металлические, высокие ворота, которые сразу же закрылись с той стороны. Разведчики оказались запертыми в довольно приличном квадрате, обнесённом таким же, как и ворота, металлическим, сплошным забором со всех сторон. До самого верха с внутренней стороны забор был обложен мешками с песком, делая практически не возможным прострел забора с внешней стороны даже из крупнокалиберного пулемёта. С одной стороны угла стояло четыре «бочки», создавая своим положением ещё один квадрат внутри себя. Все окна «бочек» смотрели во внутрь на высокий столб, на котором был натянут купол большого десантного парашюта, создавая хоть какую-то тень от не умолимого солнца в середине этого малого двора. Там стояли скамейки и два стола для занятий личного состава. Самая дальняя «бочка» служила сразу туалетом и душевыми кабинками для личного состава. Правая и левая «бочки» – казармы для личного состава по шесть койко-мест в каждой и передняя «бочка» – разделена на две части в одной маленькая комната на одного, во второй отдельный душ и туалет – командирский домик, он же и штаб вновь прибывшего подразделения. На всей остальной территории гетто были установлены спортивные тренажёры и мишени, для метания ножей. Ничего лишнего, всё как в обычной армии— безобразно, но однообразно.

После размещения и приведения себя в порядок группа собралась под куполом парашюта во внутреннем дворе. «Товарищи!» обратился к внимательно его слушающим разведчикам майор Бивнев: «С сего дня мы временно вливаемся для выполнения особых задач на территории сопредельного государства в ряды 115 го сводного пограничного полка «Мазари – Шариф», ДШМГ в\ч 2066, в оперативный отряд КГБ «Кандагар», группу «Каскад4»». Он внимательно поглядел на свой отряд: «С сего дня все фамилии и имена строго запрещены. Я буду носить капитанские погоны, старшина Квашинин—младшего сержанта, больше никто званий не имеет. Мой позывной «Бивень», старшины – «Квакуша», сегодня во время боя родился

позывной у Арсентьева, теперь он «Бурят». «Точно, как бурят, с такими хитрыми глазёнками» не удержался подколоть друга Владимир. «Ты сам как себя хочешь назвать?» неожиданно спросил у Володи «Бивень». «Я хочу «Шурави»» ответил парень не задумываясь. Командир и старшина переглянулись. «Добро» разрешил «Бивень». «Так, а вот всем остальным «Квакуша» уже придумал позывные, запоминайте: Егорыч- ты остаёшься со своим «Кок», Самсоненко-тоже своё старое «Клон», ну и Вагин по-прежнему «Кот», теперь новенькие: Водопьянов, ты у нас теперь «Кран», Борзых— «Пёс», Куценко—просто «Куцый» и Суша— «Сухой». С этой минуты обращаться ко всем только на «ты» и по позывным. «А к Вам?» спросил Куцый. «Ну вот Вам и первый дебил» не выдержал старшина: «Тебе же только что приказали—ко всем». «С сего дня за территорию не выходим до получения приказа на задание, рукопашный бой и физо, полноценный отдых и дополнительно каждый день два часа сна днём. Нас будет обслуживать один назначенный человек, который будет нам привозить пищу и воду в закрытый периметр. Вопросы?». «Ну какие там могут ещё возникнуть вопросы, всё и так понятно, как белый день, ждём команды и выдвигаемся выполнять приказ» отреагировал Кок. И снова потянулись дни и ночи ожидания приказа на выполнение особо важного задания. В металлической «бочке» хоть и обделанной в нутри деревом, было не выносимо жарко. Вентилятор работал на полную мощность круглые сутки и не приносил нужного результата. Спасали мокрые простыни. Днём температура в тени поднималась до 45 градусов. Воду приходилось экономить. Это все поняли после того, как сразу выплескали на себя весь запас воды с баков в душе и туалете. Оказывается, машина привозит воду раз в три дня, и водитель самостоятельно подъезжает с той стороны и подключает воду к выведенной на ту сторону трубе с вентилем и контролкой. Кормили довольно прилично, как в обычной армии, всё согласно нормы. Три раза в день ворота открывались и на территорию въезжал Уазик «таблетка», водитель которой молоденький азиат доставал привезенную пищу и забирал пустые баки с прошлого раза. Сам грузился и молча выезжал. В один из обедов привезли рис с мясом. Во время обеда Бурят взял в руки свой, довольно приличный кусок мяса и не смог определить чьё оно. «Кок, а ну блесни своими знаниями, что это за мясо, гусь или китайская свинка?» спросил он. Кок с удовольствием уплетал свой кусок и не спешил с ответом. Бурят надкусил мясо. Оно напомнило ему переваренную говядину, которую мама варила для холодца на праздники. «Ну, есть можно, чтобы это ни было» рассудил он и приступил к уничтожению продукта. Бивень поглядывал на евших обед бойцов и хитро улыбался, доедая свою порцию мяса. После еды дневальный собрал посуду и сложив её в один из баков отнёс к воротам. «Всем отдыхать» дал команду Квакуша и первым намочив и обернувшись простынею, упал на своё место. «А угостили нас с Вами сегодня дикобразом» выдал засыпающий Кок. Шурави стошнило. Бурят удержал свои эмоции и поглаживая бурчащий живот, постарался уснуть. «Ты глянь какие мы нежные» проснулось чувство юмора у Куцего: «Мне плевать, лишь бы вкусно было. Я как вспомню, что моя Наташка мне варила, то тут как в ресторане». «Так, что же твоя баба не могла готовить?» спросил Кран. «Не...а! «простодушно ответил единственный женатик. «Ох, да я бы её уже давно бы выгнал». «Дурак ты Кран, еда ведь не самое главное в жизни. За то какая она в постели! Ах! Что она только со мной не вытворяла! Вспомнить приятно! А еда, ну что еда, пошёл отрезал себе сала с помидором и хлебом, всё, ты сыт, а нет, то пойду к маме и поем горячего, да и ребёнок у нас с ней общий» рассудил Куцый и спорить с ним никто не осмелился после сегодняшней утренней тренировки по метанию ножа он освоил метание сапёрной лопатки. И как это у него всё хорошо получается, что мины его слушаются, что ножи, а вот теперь и сапёрная лопатка? Ближе к вечеру ворота раскрылись и задним ходом въехал открытый Уазик. Водитель не разговаривая выгрузил с него несколько завязанных мешков, сел и так же молча выехал за ворота, которые немедленно закрылись. Шурави успел разглядеть на той стороне отряд вооружённых солдат, грузящихся через открытые борта в кузова 131хЗиЛов. «Видать на задание» подумал парень, подходя к куче мешков. «А... Привезли? Шурави, тащите хи под парашют» скоман-

довал Квакуша. Мешки были не тяжёлыми. Бурят и Шурави вдвоём взяли по мешку в каждую из рук и поволокли к месту. «Общий сбор!» объявил командир. Все расселись на лавках по своим местам. Квакуша развязал все мешки и вывалил из каждого по отдельности на четыре кучи массу одежды. «Так это же одежда афганских духов» удивился Кран. «Внимание! Сейчас Квакуша подберёт каждому из Вас всё необходимое и по размеру. Одежда вся совершенно новая, раньше не ношенная, поэтому брезговать не надо. Будете теперь привыкать её носить и уметь пользоваться» рассказал Бивень.

Штаны (изар или партуг) носят их под длинной рубахой ниспадающие волнами. Их ширина больше длинны, в поясе их собирают в сборки. Крепятся на поясе с помощью тесьмы(изарбанд).

Рубаха (перухан или курта) свободная, длиннополая, до колен и ниже с разрезами внизу по бокам. Рукава тоже широкие на пуговицах у запястья, с воротником или без него.

Жилетка (васкат или садрый) надета поверх рубахи, талибы предпочитают её с большим количеством карманов.

Головной убор (пакуль или пакол) из шерсти верблюда или ягнёнка (пуштунка). (лонги или чалма) наматывается на голову и оставляют свисать свободный конец с левой стороны.

Накидка (чадар, пату, каиш) отрез хлопчатобумажной ткани размером с простыню.

Когда Квакуша раздал всё необходимое каждому из бойцов своего отряда, первое впечатление после её одевания было плачевным. Даже ребёнок поймёт, что перед ним переодетый солдат. «Да... С этим надо переспать.» сказал раздосадовано Бивень: «Не снимать одежду с утра и до ночи, Вы обязаны просто привыкнуть к ней, в противном случае все наши вылазки на ту сторону, а не дай Бог в Пакистан, будут отрицательными изначально. Всем привыкать». «Бивень, а обувь не дали» голосом обиженного ребёнка сказал Сухой. «Да... Я в начале думал и переобуть, но носить сандалии без задников Вы не сможете, а в красках по скалам—быстро прорвёте и ногам конец, поэтому правильно будет идти в своих берцах, тем более, что «духи» давно уже их сами с удовольствием носят». Он при всех разделся и переоделся в Афганскую одежду, за тем, как-то странно присел и в место только что стоящего перед всеми командира, на скамье сидел совершенно не знакомый старик афганец. Бивень встал и снял с головы пуштунку: Вот так должен научиться каждый. Кок, я поручаю все занятия тебе, гоняй их, балбесов, до седьмого пота, но сделай мне афганскую оппозицию. Понял?». «Хорошо, Бивень, сделаю, как ты хочешь» не по уставу ответил Кок. Шурави заметил, что ему и в учебке командир прощал многое. С этого дня начались занятия по всем правилам носки и одевания одежды аборигенов. Все, в том числе и спецы, «умирали» после много часовых однотонных занятий. Больше всего бесил лонги. Правильно мотать и оставить не меньше 70 см с левой стороны, это ад. У Куцего всегда хвост выпадал с правой стороны, его это страшно бесило. «А... Куций, это тебе не с минами шушукаться и ножи кидать, мотай, мотай, правильно» гонял его Кок.

В субботу утром сразу же после завтрака, Бивень неожиданно отменил все занятия. Собрав группу под хоть немного дающим тень, куполом выгоревшего парашюта, он достал флягу, выставил не весть где взятые бумажные стаканчики, в которых в Союзе продавалось мороженное с палочкой, достал каждому по сливовой карамельке, налил по пол стаканчика пахнувшей грушей зеленоватой жидкости, как потом выяснилось эссенции—дюшес, сам лично подал всем её в руки: «Парни, сегодня объявляю выходной, всем спать не менее 14ти часов, обед и снова сон, ужин и опять сон, рано утром уходим. Куда, пока сам точно не знаю, но скажу, что таких заданий ни мы, ни одна из других таких же групп ещё не получали. Давайте выпьем за нашу удачу. Огонь!» и первым не чокаясь выпил до дна 76градусную жидкость. Все выпили. У Бурята перехватило горло. Квакуша уже подавал всем нуждающимся флягу с чистой водой. «Повезло Вам сегодня, ну ничего, я с Вами ещё поквитаюсь, спуску не дам» ехидно подмаргивая пошутил Кок. «Ну...Как по-твоему, готовы они к маршу?» спросил его Бивень. «Да, командир, погонял я их с удовольствием, думаю уже могут по Кандагару пройтись

в полный рост, никто не обратит внимание» и довольно улыбнулся. Бивень всё сразу же понял, Кок его ещё ни разу не подвёл. Группа, намочив и укутавшись в мокрые простыня, лежала в своих «бочках» на кроватях и старалась уснуть. Сон ни к кому не приходил, сильно большим было первое впечатление от сказанного, да и рюмка спирта играла в крови.

6.

Ночью прошёл неожиданно не большой дождь. «Это к удаче» заметил Пёс. Бивень не спал всю ночь. Он вспоминал, как впервые в том далёком уже 1979м году попал в составе тогда ещё никому не известной Андроповской «Альфы» в чужое государство с заданием захватить дворец первого лица страны с наименьшими для себя потерями. Дворец охраняла элита местной армии, хорошо вышколенная, вооружённая до зубов, высокооплачиваемая и многочисленная. Вспоминал, как его отделение практически без стрельбы, пользуясь исключительно только десантными ножами прошла первый, самый укреплённый этаж, а потом началась настоящая бойня. Ему не повезло, он получил осколочное ранение в бедро и был оставлен ещё с одним раненым товарищем в проходе, защищать тыл штурмующих. Он помнил, как под его выстрелами ложились убитые им противники, а потом полное забвение. Очнулся Бивень лишь в Ташкенте в клиническом военном госпитале на четвёртые сутки после операции. В его мощное, мускулистое тело вбили целый набор разнокалиберных боеприпасов, но ни разу не задели серьёзно жизненно важных органов. Его напарника убили. Через неделю приехала мама с Ленинграда и здоровье пошло на поправку.

Саша родился в семье профессионального военного медика в четвёртом поколении. Его отец, морской капитан первого ранга медицинской службы Бивнев Александр Александрович, очень сильно хотел сына, а рождались одни девочки. Саша родился седьмым ребёнком в семье. Его родители – мама и отец, оба пережили подростками блокаду только по тому, что жили при военном госпитале, где трудились их родители, все деды и бабушки Саши Бивнева. Прадед Саши в чине мичмана работал ассистентом у Пирогова во время Севастопольской обороны в середине 19го века. Судьба его молодых родителей решилась сама по себе, оба поступили в медицинский. Отец стал хирургом, мама терапевт. За тем их помотала судьба по гарнизонам. Дети жили всё время у бабушки– мамы отца в Ленинградской квартире, здесь же и закончили школу. После десятого класса Саша не пошёл, как его все родичи в медицину, но и службу не оставил. Он поступил в Высшее Рязанское училище ВДВ. После его успешного окончания, правда по договорённости его отца со своим старинным другом Дмитрием Фёдоровичем Устиновым, которого последний в своё время лечил, Сашу берут на службу во вновь созданное подразделение при КГБ СССР со звучным названием «Альфа». После перенесённого ранения разговаривать о службе в элитном спецподразделении даже не приходилось и ему предложили должность начальника отдельного подразделения при КГБ СССР диверсионной—разведки, при чём сами группы он обязан был и подбирать, и готовить самостоятельно на строго отведённой для этих целей, базе. Так появились первые спец. Это была его третья по счёту группа. С первой группы, с того лета 1980года, остался только Квашинин, если конечно же не считать предателя Ораза Госаева.

Бивень слушал то усиливающийся, то затихающий, редкий в этих районах, дождь и сам думал: «А ведь и в правду, что дождь к удаче. Помоги мне Господи, не дай мне и моей новой команде каких-то неприятностей. Аминь!» он трижды перекрестился и прилёг на не расправленную с вечера койку: «Надо бы хоть пару часиков вздремнуть» ...

Саша Квашинин спал урывками, вернее дремал. То и дело в мозгу вспыхивали картинки его первого перехода этой чужой границы и горы провинции Кандагар, где их группе, первой группе старшего лейтенанта Бивнева, пришлось выполнить особое задание. В ту не забываемую ночь, к которой они шли по не известным им горным тропам больше недели пути, они тихо сняли караулы «духов» в ауле, ножами расправились со спящим полевым командиром и его ближайшими подручными, тем же образом убили всех в женском отделении дома, заминировали все до единого находящегося в поселении, строения, а за тем, уже с горной площадки, взорвали весь аул сравнив его с горными камнями. После мощного взрыва со скалы сошёл сель,

который полностью уничтожил всё оставшееся живое. Он помнил, как его всю дорогу домой тошнило при одной только мысли об убитых им, здоровым русским парнем, трёх беззащитных афганских женщин, жён полевого командира Дула Мени. Радость от этого получил лишь один боец из первой группы—Ораз Гулы Госаев. Помнил он и ещё один не удачный поход. Когда группа в одном из многочисленных ущелий, нарвалась на караван. Саша помнил двух убитых товарищей, которых даже вынести нельзя было. Раненый Бивень, легко раненый ещё один боец и их позорное отступление с ущелья, а потом вызов вертушек на помощь, то есть конец выполнению очередного задания, то есть провал. И снова радовался только один Ораз. Потом его по ранению списали в пограничники, дав звание прапорщика, и переход его на ту сторону. Всё это вспоминалось перед выходом в неизвестность сегодня утром. Единственное, чему был рад Саша Квашинин, он был твёрдо уверен в своей новой группе, в этих непонятных парнях с ещё более не понятного Великого Донбасса. Их поговорка: «Донбасс порожняк не гонит» ему, военному спецу, до конца не была понятной. Дождь усилился и Саша, сам того не замечая, уснул. Ему вновь снился его детский дом, в который он попал после гибели своих родителей на лесном пожаре, который в считанные минуты пришёл с леса и сжёг до тла таёжную деревеньку в Нефтеюганском районе Свердловской области. Снилось его няня, которую все звали просто «мама Люся», снился одноногий с войны сторож, он же истопник в кочегарке дядя Юлик или Юлий Моисеевич, но так его звала только заведующая, а все дети и персонал просто дядя Юлик. Он мастерил пацанам с обрезков привозимых ему для растопки печи, досок, игрушечные автоматы и пистолеты и за это пользовался успехом у пацанячей, буйной публики. Девочкам он делал домики для кукол. Ещё он весной мастерил скворечники, и пацаны их развешивали по близрастущим деревьям. И ещё ему часто снилась толстая, очень добрая, вся конопатая повариха Глашка. Молодуха, закончившая школу поваров после этого же детдома и оставшаяся здесь работать поваром и уборщицей в одном лице. Саша любил может не саму Глашку, а её вкусные булочки, смазанные мёдом и посыпанные сахарной пудрой, которыми она его иногда подкармливала. Невесты у него никогда не было, Саша отчаянно стеснялся дружбы с девочками. Армия заменила ему всё, но совесть и честь остались детскими.

Сергей так же спал плохо. Он до сих пор так и не привык к местному климату. Даже завернутый в мокрую простыню, желанный отдых телу не наступал, то что-то давило в бок, то простыня не удобно подвернулась на шее, то стала высыхать и сдавливать не отдохнувшее тело. Задремал лишь под самое утро, когда по круглой крыше «бочки» забарабанил долгожданный дождь. Ему снилась мама и все братья с маленькой сестрой за руки, отец, почему-то не выкупанный после выезда с шахты, так и пришедший в шахтёрках домой. Он протягивал остаток завернутого в грязную газету, «тормозка», кусочек сала и краюшка хлеба и объяснял сыну, что это ему передал с шахты «зайчик». Сергей помнил эти подарки от «зайчика», а мама вечно ругалась на отца, говоря ему, что всем сразу детям нельзя передать гостинец, потому, что тогда самому нечем будет перекусить в шахте. А потом он увидел бегущую Алёнку. Красивая, в простеньком цветастом платице, с распущенными волосами, она как будто бы вся сияла на ярком, донбасском солнце. Он пытался позвать её, махал руками, но она пролетела мимо и довольно быстро скрылась за углом их двора у дома. «Подъём!», кто-то тормозил его за плечо: «Бурят, дорогой, ну просыпайся же ты, чёрт» тряс его Шурави. Сергей понял, что наступило то самое утро, разделяющее его и всех остальных от реальности сегодняшнего дня и прошлой, уже не возвратной, жизни...

Отряд позавтракал, привезённым заботливым хозяйственником из числа obsługi, завтрак и собрался на своих местах под куполом намокшего от дождя и поэтому тяжело свисающего, парашюта. Бивень, одетый, как и все, в одежду моджахедов, сидел на единственной табуретке на против группы. «Товарищи, сегодня мы уходим с Вами выполнять довольно сложное, но крайне необходимое нашей стране партийное задание командования 40й армией. С собой берём полный боекомплект, как и в прошлом нашем выходе. У каждого по пять сдвоенных

обоймы к автомату, по десять гранат к подствольнику, по четыре Ф1, Мины уже разложены в Ваши сидоры вместе с сухими пайками на шесть дней, Квакуша вместо АК берёт СВД с запасом патронов, Кот и Клон пулемёт и два цинка к нему плюс своё оружие. Кок, на тебе плюс рация. Все в пуштунках, ни каких там чалм не делайте, не играйтесь. На перухан под васкат все наденут лёгкие, пакистанские броники и смотри Кок, без самостоятельности, ни каких, как в прошлый раз, тельников, только солдатское бельё, которое носят все мусульмане. Плюс ко всему Вы получаете все личное табельное оружие в виде ПМа. Учю и показываю всего один раз. Пистолет ПМ имеет обойму с восемью патронами, плюс ещё восемь патронов в запасной обойме в карманчике кобуры. Это всем давно известно, но в ствол можно дослать ещё один патрон, а только потом вставить полный магазин и получится девять. Иногда этот самый девятый патрон выручает и даёт шанс к Вашей жизни. Запомните это. Вопросы? Вопросов нет. Через пол часа выезд на аэродром. Готовиться!». Он что-то записал в своём маленьком синем блокнотике и положил в карманчик васката. Закрытый, тентованный Газ 66 привычно въехал задом в открывшиеся ворота. «К машине!» скомандовал Квакуша и стал у борта помогая тяжёлым от ноши бойцам запрыгивать и садиться на места. Затем влез и сам. Последним заскочил в кузов Бивень. Сергей переглянулся с Володиёв: «Гляди, и сам командир с нами» тихо прошептал он на ухо другу. «Идём вместе» ответил друг. Бойцы с не скрываемым интересом разглядывали себя в не привычной одежде. Те тренировки по ношению конечно же были необходимы, но теперь с этой одеждой надо было сродниться. Сергею ужасно мешала эта дурацкая накидка и он свернул её и повесил как шинель через плечо. Стало не совсем удобно поворачивать голову в сторону висевшей накидки. Он снял и накинуд как все. Квакуша молча наблюдал за неудобствами своих подчинённых, но советы не давал, каждый должен был это пережить самостоятельно. Через час с не большим поездки авто остановилось на бетонной полосе аэродрома Кундуз. Старенький, потрёпанный, со следами пулевых отверстий, тщательно замазанными и покрашенными опытными руками техников аэродрома, грузопассажирский Ан 24 ожидал доставки «спец груза» и вылета в Кандагар. Самолётик летал по внутренним маршрутам, перевозя не большие грузы, а также грузы 200 и 300. На нём свозили в одно место оцинкованные гробы с погибшими ребятами, чтобы потом загрузить их в «чёрный тюльпан» и отправить в Союз. Про себя самолёт называли «Такси груза 200», но лётчики не обижались, кому-то и эту страшную работу необходимо было выполнять. Сегодня в багажном отделении было всего два запаянных коробка, в Кандагаре формировали «чёрный тюльпан».

«К машине!» скомандовал Бивень и первым выскочил с открывшегося кузова. Квакуша вновь стоял и помогал бойцам прыгать с не удобного борта на бетонку. «Внимание! На борт бегом, марш!» дал команду Бивень. Отряд в считанные минуты влетел по поставленному деревянному трапу в не большой проём самолётной двери. В самолёте в место привычных кресел были прикручены обычные деревянные лавки вдоль всего борта с обеих сторон до половины салона, а дальше были складированы какие-то мешки, сумки и два оцинкованных ящика с номерами, надписями фамилий и номеров части, и самое главное адресов отправки. Сергей ненароком прочитал оба адреса. Все они были Белорусскими с Могилева. Лететь в одном салоне с гробами уже было стрёмно, какая-то машинка засвербела в душах у каждого бойца. Поднялся на борт и экипаж, закрыв за собой входную дверь. Два пилота и борт механик прошли молча мимо сидевших в ряды бойцов и закрыли за собой двери кабины. Как-то громко заработали двигатели, раскручивая по очереди свои пропеллеры, при этом у всех мгновенно заложило уши. Самолётик легко тронулся и выкатился на рулётку. Заняв своё место на полосе моторы заработали на много громче и самолётик стало потрясывать. Но потом он разбежался и также легко оторвавшись от бетонки стал набирать высоту, отстреливая при этом тепловые ракеты против ПЗРК, которых на тот момент было в достатке у «духов». Самолёт набрал необходимую высоту, на которой уже ракетой его не достать и лёг на свой курс. Двери пилотской кабины открылись и из неё вышел механик. В руках он держал какой-то прибор. Он прошёл по

всему салону с умным лицом, но не найдя понимания и вопросов со стороны молча сидевшего отряда, только хмыкнул и закрыв за собой дверь, ушёл в кабину лётчиков. «Хотел нас попугать, чёрт не русский. Мы это уже проходили, помнишь, Бивень?» обратился Кок к Бивню. «Да... Помню конечно... Наше первое задание и такой точно же перелёт в Кандагар. Да... Мы тогда немного напугались его не понятному газу в салоне, от которого самолёт вот-вот должен взорваться в воздухе, а парашюты только у лётчиков, которые уже их надели и будут прыгать». Бивень приятно вспомнил тот случай с шуточками летунов и улыбнулся. «Сейчас подождите, он ещё раз выйдет. Ведь не успокоится же гад. Всем молчать, вроде бы Вы на русском не понимаете, а я с ним по-туркменски поговорю» закончил командир. И точно, через какое-то время двери вновь открылись, и этот же шутник вышел и подсел к сидящему в конце Псу. «А что это у Вас за одежда такая?» не громко спросил он. Миша промолчал, делая вид, что не слышал. Шутник повторил громче свой вопрос. Пёс снова лишь развёл руками. «Да Вы что и в правду все «духи»? И тут на туркменском вступил в разговор Бивень. Он просто читал на память Коран, глядя в лицо лётчику. Тот опешил, приподнялся с лавки и стал пятиться задом в сторону кабины, потом резко развернулся и если бы было можно, то побежал и закрыл за собой дверь. «Вот... Теперь можете отдыхать. Там им времени хватит спорить в самой кабине кого же это они везут сегодня?» при этом командир откинул голову, прислонился к иллюминатору и закрыл глаза. Там в низу были сплошные горы...

Какое-то время Сергей мучился с болью в ушах. Все его проглоты воды с фляги или похлопывание ладонями одновременно по ушам, ни к чему не приводили. Слуха практически не было, только один болящий шум. Летели долго и солдат, не будь он настоящим солдатом, всё равно пристроится и уснёт. Самолётик стал снижаться, описывая огромные круги над одним местом видимо сжигая лишнее топливо перед посадкой. Под ними был довольно большой город Кандагар. Тем временем самолёт стал, как и при взлёте, отстреливать тепловые ракеты и на конец коснувшись полосы и пробежав по ней положенное для остановки расстояние, стал. Знакомый механик открыл дверь в салоне. Во внутрь ворвался горячий воздух, раскалённый до предела никого не щадящим афганским солнцем. Открытый Газик 57 подвёз деревянный трап и какой-то мужик с бородой и в очках, как у подводного ныряльщика, поставил его под выход со стороны улицы. Бивень сделал два оборота рукой вокруг своей головы, и группа молча встала и направилась к выходу. Не далеко от ставшего на стоянку самолёта стояли с работающими винтами три вертолёта, один МИ 8 и два МИ 24. Командир вытянул руку в направлении вертушек и отряд побежал к указанной цели. Пилот МИ 8 стоял у выдвижной лесенки и внимательно следил за посадкой этих переодетых европейцев в салон своего «Миши». Закончив посадку он сам поднялся в салон, задвинул лесенку и закрыл входную дверь. Три боевые машины одновременно поднялись в воздух и взяли курс на горы, постоянно отстреливая теплушки и набирая скорость и высоту. «Вертушки сопровождения» пояснил Квакуша: «А у кого ещё уши заложены пробками после самолёта, советую их сразу продуть» и он показал, как правильно выполнить эту не сложную операцию. Сергей напрягся, закрыл двумя пальцами свой нос и дунул. Страшная боль вместе с хлопком освободила его уши от глухоты. Ещё несколько бойцов проделали с собой подобный опыт. Квакуша улыбался во весь рот. Сергей глянул в иллюминатор. Машины летели довольно высоко над горами. Время подходило к обеду. Через полчаса лёта железные стрекозы стали снижаться. «Это провинция Пактия (Пактика), нас сейчас выкинут, а сами уйдут. Вот с этого момента и начинается наше задание» громко прокричал Бивень, поправляя экипировку на чем-то взволнованном Сухом. Он по-отечески похлопал его по плечу, поправил пуштунку и прям на ухо сказал: «Не бзди, всё нормально». Два МИ 24 зависли метрах в пятидесяти от земли и только следили за высадкой, постоянно отстреливая теплушки, а МИ 8 сел на маленькую площадку между сыпучими нагромождениями обвалившихся с гор, но лопасти также с силой продолжали вращение. «Пошли» громко крикнул Бивень и сам первым коснулся бело—жёлтого грунта горных пород гор Шин-

кай. Пригнувшись, все выскочили с зоны работы лопастей. Дверь вертолѐта закрылась, пилот в открытую форточку своего окна помахал на прощанье рукой в кожаной перчатке без пальцев и все три машины взмыли в небо, а уже через несколько минут стали похожи на маленьких стрекоз, постоянно набирающих высоту, и ещё через мгновение скрылись из виду.

«Сели!» скомандовал Бивень и весь отряд присел на сыпучий, не устойчивый грунт. Командир раскрыл большой конверт и достал из него карту, с нанесѐнными стрелками направлений движения, и лист бумаги, с напечатанным приказом. «Вскрыть можно было только после нашей высадки» объяснил командир. Он внимательно несколько раз прочитал приказ, карандашом сделал какие-то отметки на карте, а за тем достал зажигалку со своего васката и сжѐг документ. «Нам приказано отыскать в горах укреп района моджахедов под названием «Джавара», место проживания семей и родственников полевых командиров Муллы Маланга и Муллы Накиба и уничтожить всех до единого, при этом зачистить и сами аулы, где проживают эти люди. Рацией можем воспользоваться всего один раз при вызове средств эвакуации или нашей гибели, что пока не входит в мои планы» разъяснил командир. На карте даны координаты предполагаемых аулов. Останавливаться будем только на ночлег. Всѐ, всем оправиться и через пять минут выходим» закончил он.

С первых шагов буквально все поняли сложность выполнения поставленной задачи. Необходимо было пройти много километров, по чужим горам, неся на себе не только личное оружие, но и мины, в чужой, не привычной одежде, без документов, и без знания языка противника, и самое главное нужно было выполнить сложнейшую задачу и при этом остаться живым. Как обычно Бивень шѐл первым, а завершал колонну Квакуша. Шли довольно бодро. Боевое охранение в виде разведки впереди отряда Бивень выставлять не стал. Во-первых, дороги никто не знал и шли по компасу, во-вторых разведку надо было бы время от времени менять, а в группе шесть молодых первоходов. Квакуша с ним сразу же согласился. Горы в этом районе не высокие до полутора километров высотой, сложность заключалась в том, что все склоны сыпучие, практически нет твѐрдого скального грунта, а идти по такой дороге даже очень опытному скалолазу весьма проблематично. Но русский солдат брал и не такие преграды. Группа шла молча, каждый думал о своём и старался не свалиться в не большие относительно провалы и не затруднить движение всем остальным. Первые два перевала прошли достаточно быстро и уверенно, дальше начались первые проблемы. Пошѐл дождь. В горах любая влага – это источник оползней. Движение заметно замедлилось и Бивень приказал стать всем в связку. Кот растянул капроновый трос, специально взятый для этих целей и пропустил всем через поясные ремни под партуги. Пришлось увеличить расстояние между идущими бойцами. Дождь, как на зло всё усиливался. «Не останавливать движение, вперѐд, ребята!» полу приказным тоном сказал командир и пошѐл на следующий перевал. До вечера прошли более двадцати километров пути. По карте до первого проверяемого аула ещё столько же. «Ночуем здесь. Квакуша, сообрази укрытие, тепло и ужин». «Есть!» ответил старшина. Дождь перестал, но мокрая, не удобная, широкая одежда противно прилипала к телу не согревая, а делая ещё большим неудобства. Только здесь Бивень заметил наличие у Куцего дополнительного груза. В аккуратно сшитом чехле из куска брезента на ремне у него висела сапѐрная лопатка. В деревянной ручке он просверлил отверстие, вставил в него шнурок с фиксатором для закрепления на руке. По большому сѐту он сам нѐс свой груз и придаться к нему было не с чем, но Бивень знал и понимал истинную причину ношения этого груза. «Куцый, не мешает лопата при ходьбе?» тихо спросил он, не привлекая внимания к вопросу. «Никак нет, Бивень» ответил так же тихо Куцый и поправил свой груз: «Она мне ещё пригодится?». «Ну-ну!» только и смог ответить командир группы. Группа собралась в тесный круг, укрылась своими влажными чадарами, старшина на сухом горячем заварил крепкий чай в котелке и выдал всем по банке мясных консервов с рисовой кашей и сухарями. Шурави и Бурят заступили в боевое охранение первыми. Накрытые с головами своими чадарами, спящие, уставшие от первого перехода товарищи, казались завѐр-

нутыми беззащитными мумиями. Шурави и Бурят устроили место для охраны на самом краю в метре от обрыва, в глубине которого текли ручьи, толи сходявшая после дождя влага, но зато обзор подхода и не большой лощинки с этого положения был великолепным. В небе светило цыганское солнце, не поймёшь помогая отряду или на оборот освещая спящих и делая их тела заметными. Друзья лежали практически молча. Где-то там в горах кричала какая-то ночная птица, вероятно вылетевшая на охоту, где-то осыпалась не прочная сыпучая порода, видно под действием той же избыточной влаги, всё это было чётко слышно за многие метры в тишине гор Шинкай. «Володя, тебе не страшно?» неожиданно спросил у товарища Сергей. Володя не ожидал вообще такого вопроса, он был твёрдо уверен в том, что чувство страха напрочь отсутствует у его друга, а тут такой откровенный вопрос. Шурави глянул в лицо Буряту и в темноте практически ничего не разобрал: «Да» ответил парень. «И мне страшно. Веришь? Иногда мне кажется, что это просто сон, вот сейчас проснусь, а за стеной мама жарит оладушки, а мой кот тихо мурлычет у меня в ногах. Мне даже запах оладьев снится». Шурави хмыкнул в ответ. «А мне уже давно не снилась Алёнка. Может она меня уже забыла, как ты думаешь?». «Что ты, она тебя любит и дождётся, я уверен» поддержал друга Бурят. Два часа тянулись вечность. На конец их сменили Кот и Клон. «Молодцы Вы пацаны, правильно выбрали и позицию для наблюдения, да и для стрельбы лучше не придумаешь, всё просматривается. Всё идите спать» похвалили они. Прижавшись друг к другу и немного согревшись от тепла своих тел, укрытые с головой своими лоскутами они практически сразу же крепко уснули, несмотря на то, что лежали на голых и острых горных камнях. Подъём, быстрый завтрак сухарями с тушёнкой и несколькими глотками сладкого кофе с брикетов и уже группа в длинной связке вышагивает по тем же острым и сыпучим камням, преодолевая ещё один перевал. Дождь сменился пронзительным ветром и ярким солнцем. Теперь накидки были в помощь. Их надевали на головы, сверху неё одевали пуштунку и одним из концов материи обматывали лицо, оставляя лишь щель для глаз. Идти становилось всё труднее. С каждым километром пути чувствовалась усталость в ногах, особенно в коленях. «Пол часа перекур» неожиданно объявил Бивень и сам первым сел на камни и достав карту стал её внимательно рассматривать. «Кок, ко мне!» приказал он. Кок моментально вскочил и сняв ремень с тросика двумя прыжками достал места командира замер в ожидании команды. «А ну глянь ты, мы не сбились с пути, я, по-моему, что-то путаю». «Нет, командир, всё верно, Вас смутили эти две одинаковые горки, а на карте одна, просто не с того угла снято на фото с космоса». «Тогда сразу же за он тем перевалом и будет первая наша точка прибытия». Он указал лишь глазами расстояние до цели. «Спасибо Кок. Квакуша, ко мне». Старшина выполнил всё то же движение, только у него в руках была его СВДшка. «Всё, с связки всех снять. Выставить дозор из двух опытных бойцов за полкилометра от основной группы. Подходим к цели. Следить за дорогой, возможны мины, а у перевала возможен и первый пост охраны. Идём тихо». «Есть, командир» ответил уже уходящий выполнять команду Квакуша. «Кот и Клон, отдать пулемёт и патроны к нему Крану и Псу и выдвинуться на пол мили в боевой дозор, только без шума там, а то я Вас знаю». «Есть командир» и оба спеца уже отсоединившись от тросика и отдав пулемёт с патронами уходили выполнять боевой приказ. «Шурави, идёшь вторым, следом за мной и внимательно следишь не только за дорогой, но и за возможными сигналами со стороны боевого охранения. Понял?». «Есть, товарищ командир!» отчеканил Володя и перестроился в ряду. Несколько километров шли молча. Вот он и последний перевал. Кот и Клон сидели перед поворотом хорошо утрамбованной хоть и горной, дороги и ожидали всю группу. «Что у Вас?» спросил Бивень. «Вот, смотри, по дороге ходили и много раз. Я так думаю, что могут быть и мины.» «Куцый, ко мне» позвал Бурят. Куцый прилетел мгновенно. Узнав о цели вызова он, как школьник, обрадовался. Развязал свой сидор и достал сложенный в несколько раз кусок хоть и ржавой, но катанной проволоки. Выпрямив, он прикрутил её к стволу своего автомата. Получился импровизированный щуп для поиска мин. «Готово, командир» отчеканил радостный Куцый: «Могу работать». «Пошли,

Куцый первый, все след в след за ним» дал команду Бивень. Первую мину он достал и разминировал практически сразу. Куцый не просто разминировал, он играл с минами противника, находил их на присыпанной тропе, шутил что-то себе под нос, ласково им приговаривал, выкручивая очередной взрыватель, а потом с силой швырял по дальше от тропы, под горку, сразу же забывая о последней и ища себе нового противника, вернее новую забаву. Шли все взмокшие от напряжения, только Иван один веселился, как пионер, научившийся к седьмому классу вязать правильно свой красный галстук. Бивень понимал, что перед ним минёр—сапёр от Бога. «Стоять! Внимание!» Куцый неожиданно поднял вверх свою правую руку и плавно опуская её приказал жестом всем лечь. Отряд по команде залёг, обняв свои головы руками и приготовился к взрыву. Иван лежал первым перед не известно откуда взявшемся в этой местности кусту. Растение раскинуло свои колючие ветки прямо на повороте минированной тропы. Дальше, как на ладони, открывался перевал. «Я так думаю, товарищ командир, что здесь должна стоять растяжка. По всей видимости это последняя преграда перед поворотом на перевал. Дальше всё простреливается и просматривается. Сейчас попробую её аккуратно снять» рассказал он свои предположения Бивню, лежащему рядом. Куцый протянул свои руки в колючий куст, немного поморщился и тихо объявил: «Угадал, это Ф 1, а вот и тоненькая проволочка, а вот и колечко, а теперь я её аккуратно так снимаю и передаю Вам, товарищ Бивень, а Вы вставьте в дырочку вот эту штучку» и Иван протянул зажатую в руке лимонку, а между двумя пальцами той же руки и фиксатор гранаты. Бивень, не трогая смертельной игрушки, просунул в отверстие чеку, загнул ушки и только потом забрал с Ивановых рук Ф1. «Всё, командир, путь свободен» отползая назад от куста доложил Куцый. «Спасибо тебе, боец» глядя на ползущего товарища поблагодарил майор. «Квакуша, ко мне!» позвал он старшину. Квакуша быстро оказался рядом. Бивень приставил к глазам свой бинокль и стал внимательно наблюдать за уступом горы от которой дальше открывался поворот и начинался спуск. Бивень глядел очень долго, прежде чем снова начать говорить: «Точно, вон они, пост, по-моему, четверо «духов», а ну ка глянь, и ты свежим взглядом». Он снял с себя бинокль и передал уже лежащему на его место Квакуше. Старшина внимательно всматривался в сторону блокпоста душманов. «Да, ты Бивень прав, четверо там. Дежурят попарно, два отдыхают, двое наблюдают. У них крупнокалиберный пулемёт, по-моему, даже новый Утёс—НСВ-12,7. Хороша машинка стоит, за один километр не пустит, с нашими автоматами и соваться туда бесполезно. Вот это сюрпризик» закончил старшина. Они отползли и сели, прислонившись спинами к горячей от солнца скале. «На нём возможен и ночной прицел, не только обычный, снайперский. Что же делать, командир?». «Будем ждать ночи. Когда у них вечерний намаз?». «Около 20ти часов, уже практически темно». «Вот оно и то. Пойдут Куцый и Клон, я думаю, что справятся, а нет, то тогда только снайперская винтовка, но шуму будет на все горы, это провал, так, что тогда только ножи и тихо. Куцый и Клон ко мне!». Пара бойцов сидела перед командиром и внимательно выслушивала его приказ и наставления. «Сейчас всем перекусить без горячего и спать, Квакуша, выставь боевое охранение. Инструктаж в 19ть часов». Вот только теперь все ощутили практичность афганской накидки. Свободные от наряда бойцы улеглись под скалой, прямо на палящем солнце. Сергей приставил к скале свой АК 74, на пламегаситель натянул конец длинной материи и в полученную палатку просунул голову. Солнце не мешало, воздух проходил и к лицу не прилипало. Он спокойно уснул после не большого перекуса консервами и сухарями. Такие же палатки выстроились над всеми отдыхающим бойцами. Ночь в горах! Сколько слов уже сказано или написано! Небо в горах можно просто потрогать руками. Звёзд в чёрном, безлунном небе, как кто-то просто насыпал с лукошка. Вот развернулась к наблюдающим Большая медведица, вот за ней спешит Малая её подруга, Дракон во всём обличье, а вот и Альфа Кассиопея. Невозможно отвести глаз от этой красоты. Вот пролетела ночная птица и громко захлопав своими крыльями как-то не понятно толи прокричала «Бьюос—бьюось!», толи позвала кого-то на помощь. Бивень взглянул на циферблат светящихся фосфор-

ным цветом своих больших командирских часов: «Пора. Всем подъём! Тихо там! Оправиться и приготовиться! Куцый и Клон ко мне!» подал он шепотом несколько команд сразу. Квакуша постоянно наблюдал за местом блок поста душманов. «Что там на посту?» спросил его Бивень подползая вместе с Куцым и Клоном. «Тихо, несколько раз пользовались светом, но сразу же его гасили. Сейчас начнут свой намаз. Пора вылезать». Бивень лёг набок и повернулся к двум бойцам, ожидавшим его команду. «Клон, старший. Подползёте и тихо там, только ножами или руками, смотрите, на Вас всё задание. Как закончите два раза моргнёте фонариком в нашу сторону. Удачи Вам, парни. Вперёд!». Два бойца, легко перепрыгнув через колючий куст, пригнувшись до самой земли быстрым шагом пошли к цели. «Боже, помоги им!» перекрестился Бивень. Сергей и Володя уже не раз замечали за командиром его крещение. Знали эту его слабость и остальные члены отряда. До поста метров четыреста с хвостиком, минуты три ходу, две минуты работа, значит через пять минут должен был быть подан сигнал. Про то, что он не мог быть подан Бивень даже и не думал. Он в очередной раз взглянул на зеленоватый циферблат. «Всё, вот сейчас, сейчас, сейчас!». Два сигнала фонариком промелькнули мгновенно. «Все вперёд, тихо я сказал!». Группа через несколько минут сидела в довольно большом блоклаузе «духов», выложенном со знанием дела. Пулемёт, как и предполагали до этого «Утёс», с оптическим прицелом, правда без ночного видения, стоял на станке, который вращался на все 360 градусов. Четыре длинные окна бойниц давали полный обзор и соответственно полный обстрел всего, что только могло двигаться в этом направлении. В деревянных ящиках ещё с пломбами складов лежали и ждали своего часа цинки с патронами. В другом ящике ленты с заряженными патронами, гранаты Ф1, а вот и цинки с обычными патронами для АКМ 7, 62. «Отлично подготовились, а «духи» то где?» спросил у сидящих на камнях Клона и Куцего, Бивень. «Я не видел, ты следующий раз вообще его одного посылай, командир» ответил Клон. Куцый улыбался во весь рот, вытирая чьей-то накидкой свою сапёрную лопатку. Бивень заглянул за бруствер. Четыре обезглавленных трупа лежали сложенные в одну кучу в не глубокой яме, видно выкопанной для отхожего места. Головы лежали отдельно прикрытые пуштунками. Бивень ещё раз взглянул на улыбающегося Куцего и ясно вспомнил Ораз Гулы Госаева. А ведь они ужасно похожи своими достижениями. Тот также легко играл с любой миной и любил убивать, при чём число значения не имело, только он убивал большим десантным ножом, а этот выбрал сапёрную лопатку. Бивню на мгновение стало страшно, но он взял себя в руки, ведь здесь все не святые и сегодня ночью они будут убивать там, в спящем ауле, всех подряд—женщин, стариков, детей, бандитов—всех, ведь они получили именно такой приказ на полную зачистку аула. Он поднялся. «Так, теперь о задании. Сейчас тихо входим в спящий аул. Распределяемся по три человека три группы—Квакуша, Кран и Сухой; —Клон, Куцый и Пёс; —Кок, Шурави и Бурят; ещё двое—Бивень и Квакуша идут на подстраховку. Не спешить, зашли в три дома, зачистили всех тихо и вышли, пошли к другому и так далее. Если возникнет горячий конфликт, выходим и забрасываем место гранатами, но до этого прошу не доводить, работаем профессионально. Все понятно? Всё пошли, тихо». Мешки с минами мешали идти, но бросить их нельзя, после зачистки аула мины будут установлены и подорваны вместе со всем жильём. До самого аула прошли тихо Бивень знаками показал каждой тройке его дом. Сергей держал в руке свой нож. Они вошли в жилище сразу втроём. Кок откинул покрывало со спящего человека и нанёс ему удар ножом в ухо, пробив голову насквозь. Шурави ударил второго спящего и тоже в ухо. Сергей отбросил штору в другую комнату. Это оказалась женская половина дома. На длинном деревянном настиле, застеленном ковром и простынёй, спали сразу три девушки. Сергей закрыл глаза и начал наносить удар за ударом в лежащие тела. Никто не вскрикнул. Он осмотрелся. Все трое были мертвы, их лица превратились в сплошное месиво. Его стошнило. Он выскочил на воздух, но Бивень рукой уже показывал направление следующего захода. Всё смешалось. Кровь, рубленные тела, вскрики умирающих, просящих пощады, совершенно мирных людей и снова кровь, кровь и кровь. За час с небольшим группа вырезала

около тридцати домов в спящем ауле. Никто не ушёл. Куцый, весь красный от крови, как мясник в мясной лавке, с блестящими от удовольствия глазами и крепко зажатой в руке сапёрной, хорошо отточенной лопаткой докладывал Бивню, что самих полевых командиров в ауле не было, только члены семьи Муллы Маланга. Всего было уничтожено семнадцать боевиков, не считая тех четырёх на посту, и всё селение. Бивень собрал отряд в пустом доме. Было видно, что людей здесь не было, очаг не горел, входная дверь была плотно завешена толстой материей. «Переночуем здесь. Завтра утром всё заминировать, включая блок пост. Квакуша, с утра пойдёте и соберёте все мины, которые снял Куцый, а ты их все заново установишь на посту и здесь у каждого дома. Всех убитых снести в один или два дома и сжечь. Кровавую одежду на себе снять и бросить на видном месте, себе подобрать другую. На всё про всё у Вас будет два часа. Ровно в восемь утра выходим по второму маршруту, туда пилить по горам почти двое суток и теперь за нами возможна погоня. Задание необходимо выполнить, нам край необходимо подорвать сложившуюся дружбу между ранее враждовавшими племенами, необходимо уничтожить полевых командиров юга страны». Он прошёлся перед сидящими бойцами. Все были выпачканы чужой кровью и её запах наполнял тесное и душное чужое помещение. «Все переодеться!» скомандовал Бивень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.